



СМЕНА

СИГНАЛЬНАЯ

17

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПОЧЕМУ МОЛЧИТ ГАРМОНЬ

Слова Василия КУЛЕМИНА
Музыка Ильи ГОРИНА

Был у нас чудноватый,
Неприметный палежник.
Он с гармошкой возле хаты
Сидит сам под вечером;

Он играет, так играет,
Словно нету киного,
И, наверное, не знает,
Что мы слушаем его.

Но одна из нас, плутовка,—
Ей мы это не простим —
Закружила парня ловко,
Повстречалась где-то с ним.

Да не в этом повод главный —
Как подружку не понять!
Но уме не так исправно
Гармонист наш стал играть.

На обиду на такую
Распалился, как огонь.
Видим: он ее целует,
Потому молчит гармонь.

Только-только вспыхнет песня —
Снова песни не слышать,
Видно, глупо и искренней
Целоваться, не играть...

Динь-дильно, весело. Был у нас чудноватый не-приметный палежник. Он с гармошкой возле хаты сидит сам под вечером. Он играет, словно нету киного, и, наверное, не знает, что мы слушаем его. Но одна из нас, плутовка — ей мы это не простим — закружила парня ловко, повстречалась где-то с ним. Да не в этом повод главный — как подружку не понять! Но уме не так исправно гармонист наш стал играть. На обиду на такую распалился, как огонь. Видим: он ее целует, потому молчит гармонь. Только-только вспыхнет песня — снова песни не слышать, видно, глупо и искренней целоваться, не играть...



Фото А. Мокляцова и А. Агапова.

В ДОБРЫЙ ЧАС!

Первое сентября... Светло от белых фартуков, оных галстуков, букетов цветов и радостных улыбок. Мальчики и девочки, згорелые, отдохнувшие за лето, вернулись в родной школьный дом. Вместе с ними, сосредоточенные и взволнованные, в школу пришли и семьи маленького, ты, кому от роду семь лет. Первый день, первый урок, новые товарищи...

Большой год перед вами, друзья! Родина делает все, чтобы вы могли хорошо учиться, стать творцами собственного счастья. В нашей стране право на образование записано в Конституции. У нас введено бесплатное обучение, из года в год растет количество школ. В 1960 году Директивами XX съезда КПСС намечено осуществить в основном всеобщее десятилетнее образование как в городах, так и в сельской местности.

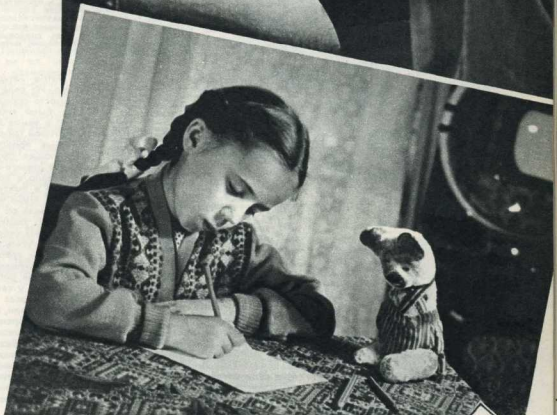
Радостно встретили новый учебный год и студенты. Их сегодня в нашей стране около двух миллионов. Будущим инженерам, педагогам, строителям, агрономам созданы все условия для овладения специальностями.

Порадуйте же, дорогие друзья, Родину отличными успехами в учебе. Пусть умелыми и трудолюбивыми станут ваши молодые руки. В добрый час!

На с и м а х: В союзе «Урожайный», Алтайского края. Школьники преподнесли своей учительнице цветы (снимок вверху слева).

Навстречу, лет в эту минуту. Более счастливого человека на свете, чем этот паренек: он сегодня впервые надел школьную форму (снимок вверху справа).

Первое задание оказалось не из легких. Даже старый друг Мишка понимает это (снимок внизу).



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь. № 17. 1956 год.

Год
издания
33-й

Перед спуском в шахту бригадир подсказывает Вискирю Мариничу Минюлов беседует со своим учеником Николаем Вискиряем.

Фото Л. Шалаверского.



ПРИЕХАЛ В ДОНБАСС КОМСОМОЛЕЦ...



Среди юношей и девушек, которые по призыву комсомола приехали работать в Донбасс, был и комсомолец Николай Вискиря. С тех пор прошел год. За это время Николай овладел почетной профессией шахтера. Недавно в Донбасс прибыло новое пополнение добровольцев: в ответ на обращение партии и правительства более сотни тысяч комсомольцев Украины извлечены из недр. Будущие этих славных посланцев комсомола так же светло, как трудовые будни их сверстника Николая Вискиря, которому посвящен этот очерк.

Узенькая молодая рожица — на Украине такие называют посадками — полукругом окаймляет шахтерский носик. Отсюда, из посидки, хорошо видны идущие сооружения шахты, копер, мышасто-серые и рыжеватые отвалы породы, а дальше, вплоть до горизонта, слегка курится июльским маревом дождевая стель на ровной поверхности которой нет-нет, да заметишь двугорбую вершину терриконки.

— Так вот что значит один только год в жизни человека! Чуете? Коля Вискиря, оперевшись на локоть, чуть приподнимается с

травы, на которой мы расположились. У него сегодня выходной, торопится куда-то, и он обстоятельно рассказывает мне, как прошел этот переломный год его жизни. А сейчас своим вопросом чуется как бы подтоживает рассказанное.

— Да, чую, Коля. Был ты колхозным робиком парвником — стал заправским шахтером.

Июнь 1955 года. Вместе с другими черниговскими ребятами прибыл в Донбасс и Никола Вискиря, колхозный хлопец из дальнего села Данно. Прибыл по комсомольской путевке. Попал на шахту 1—5 «Бжановка», что близ знаменитого горняцкого города Кадиевца.

На «Бжановку» направил и его закадычных друзей — односель-

чан Петра Татарчука да Грицко Рындю. Из села вместе ехали и тут вместе определились.

Все было вновь для сельских ребят: и земля дождевая, и техника, которой так обильно снабжены угольные предприятия, и люди, работающие сноровисто, без понауканий (ничего граха тань, не то, что бывало в колхозе). А когда впервые в шахту попали, и воссе оробили. Небо искали.

Вспоминаю об этих днях, Коля задумчиво улыбается.

— Но мы скоро освоились, перестали трусить. Еще один только раз сердце «взнуло», это когда кровлю обрушали, а тогда уже с посадками робил. А теперь мы в шахте, як у хаті...

В этих словах нет хвастовства. Все трое стали настоящих шахтерами — накрепко связали свою жизнь с угольным Донбассом, не мыслит себе без горняцкой профессии.

Татарчук — прокодиш, Рында — машинист электровоза, а Вискиря обогнал друзей, стал посадочным лавой, овладел специальностью более редкой и сложной.

Посадчик лавы — это человек, если можно так сказать, управляющий в лаве горным давлением.

Он обрушивает кровлю в уже пройденных забоях с тем, чтобы регулировать, понижать давление в тех выработках, где сейчас добывается уголь. Для такого дела нужны сила, смелость, сноровка. Но сила не простая, а помноженная на ловкость; смелость не безрассудная, а в соединении со строгим расчетом; и не обычная сноровка, а обязательно освоенная на знании геологии. Посадчик лавы должен разбираться в том, как «поведет себя» кровля в тех или иных условиях, должен иметь представление о законах горного давления. Словом, это шахтер знающий.

Кое-кто на «Бжановке» скажет вам, что, дескать, Вискиря по-везло... Что ж, в этом есть некоторая доля правды. Повезло хотя бы в том, что попал он под командование Василия Корнеевича Номикова, потомственного шахтера, имеющего чуть ли не четверть века стажа, подлинного мастера горных работ.

Деду Корнеевичу — так здесь зовут Номикова, который, несмотря на свой млаованый вид, действительно, уже имеет внука — полюбился Никола Вискиря. То ли глубокие знания давали парня поощрившая бригадир, что получил из Микола настоящих работников, то ли могучие плечи и ладная фигура приглянулись, — взял Василий Корнеевич его в свою бригаду, стал учить уморажу.

Не ошибся бригадир. «Трудолюбивый хлопец» — так отзывался он о Николае, а зта спужа похвально высказывался о его парня, много значит для молодого горняка. «Аккуратный хлопец, дисциплинированный. С первого слова все подхватывает», — проповедует Василий Корнеевич свое хари характернику Вискиря. — Поглядел я за ним, когда в первый раз затрещала кровля, когда началось обрушение, вижу: не испугался. (Этот тот самый случай, о котором Вискиря рассказывал мне: «Сердце ткнуло...») Однако бывають, сами знаете, ребята смельче, но, извините, глупые. А Микола расторопность показал. Будет, будет из него Большой горняк».

— Коля Вискиря по-настоящему счастлива, лицо его так и светится радостью, сознанием полноты жизни. Это ощущение испытал он вскоре после приезда на шахту «Бжановка», и с той поры счастливое состояние удачного движения вперед не покидало молодого шахтера. Он не раздумывал над тем, что такое счастье: он пользуется им.

Первая, вскользь брошенная похвала бригадир: «А голова-то у тебя, я вижу, не только для фуражки!»

Первый ответ на вопрос товарища, когда тот при подходе из шахты спросил: «Сколько сегодня, Микола, збробил?» и ты небрежно, как о себе selbst разумеешься, отвечив: «Мам, вся наша бригада — не двести...»

Первая получка, когда, отойдя от опоческа кассы, укладывая ты в новенький бумажник заработанные шахтерским трудом деньги.

Первый почтовый пераезд (первый в жизни!), посланный по адресу: «Село Данно, Лосиновского района, колхоз имени Ворошилова. Вискиря Наталья Николаевна» из шахтеры, на незримом фоне пераезда, аккуратно выведены тобой слова: «Дорогая мамю, посылю вам гроши—

две тысячи, примите от чистого сыновнего сердца...»

Много таких первых шагов сделали на пути к цели. За первыми шагами, понятно, следуют вторые, третьи. И вот уже уверенно идет по донской земле молодой представитель славной шахтерской семьи. Понимая, что только в своем государстве! Вот это сознание полезности, тут это знание, и делает Николая Вискрыню по-настоящему счастливым человеком. Значит, приехал на колхоза сестра Параска — поглядеть, как «наш Коля» живет. С гордостью вошел ее Николай по шахте, по колхозу, по области. Потом на автобусе поехал в Кадиевку, в университет; набрал суена на костюмы братьям Петру, Гришко и маленькому Василю, шелку на платье матери и сестре; купил много других подарков. Привезла сестра горстичек древесины, а уезжала втроем нагруженная гостиничными шахтерскими.

Вечером пригласил сестру во концерт шахтерской самодельности. По-хозяйски, радушно показывая все; стараясь, чтобы она была в главной рубашке и в золотой кольчужке, и вот эти плакаты, призывающие давать больше угля стране, и даже это оркестр, что, расхопавшись на все, не хватало инструментов, — все это существует для него, по подсказке лавы Николая Вискрыню, все это, собственно говоря, и принадлежит ему.

Ранней весной и сам Коля съезди́л домой, на Черниговщину, в отпуск. В хорошем дрэповом пальто, в дорогом тыменском белье, в глянцевой рубашке, с галстуком, с фотоаппаратом «Зоркий» — премией, полученной на слете в Сталино, — таким увидели шахтера в родном селе. Пошли на работу, глядя на него, задумались, а не поехать ли и им в Донбасс, стали прикидывать разные «зав» и «протиав». А Николай уже в глянцевой рубашке и в пальто выступил перед молодежью в колхозном клубе, рассказал о шахтерском житье-бытье. Не агитировал, нет; не преувеличал трудностей, нет; так просто сказал несколько слов да показал свою расчетную книжку, где месячный заработок в четыре и даже в пять тысяч рублей оторвал не был случаем.

Надо ли говорить, сколь сильно действует такая английская агитация! Парни слушали сосредоточенно, задавали вопросы, а Николай — девчата, те украдкой вздыхали...

Но на вдоухи и девчачьи взгляды Николай не обращал никакого внимания. Не потому, что возгордился. А потому, что он так раскраснотал только матери, спросив у старухи совета и благословения.

— Ну что ж, Коля, ты уже теперь человек — взрослый, самостоятельный, двадцать один год минул, и на ногах стоишь крепко. Если полюбил, не ошибся, а тебе не препятствую. Самая своя невеста, да об нас не забывай!

— Так что вы, мамы! И я и Глядо (так теперь зовут) всегда все уважаю и любить будем. Девушки хорошие. Сам дед Корнеевич, бригадир, одобрил.

Недавно сыграли в шахтерском поселке на «бежановке» веселую свадьбу. Посадчик лавы Николай Вискрыню женился на платовой Людмиле Соловей.

Невеста, как и жених, тоже не так давно в Донбасс; всего три года, как приехала она сюда,

но не с Черниговщины, а из Хмельницкой области. Нашли люди в угольном рыве свое счастье! Молодоженки выдвинули в общежитии отдельную комнату. Людмила убрала ее по своему вкусу. Но общежитие все-таки это общежитие, — надо свою хату строить. И коллай уже ходил узнавать насчет судуды, участка и стройматериалов. На шахте многие теперь строятся и помощь содействующую получают. «А может быть, готовую хату купить? Денег можно подполчить, да как-то думается, если сам себе построишь, — это прочнее. Верно?»

Речь в своем старом холостяцком судучко, Коля показывает самые почетные трофеи шахтерского труда — значок ордена, грамоты, удостоверение — которые у него, скорее, скорее всего, не систематически высокие показатели в работе. Что и говорить, многого достиг парень, не каждому это удалось. Давно не видел трудягу. И почтительный и материально благополучный по заслугам.

— А каковы планы на второй год донбасский год?

Николай заиспытывает крышку судучко и переспрашивает серьезно, хотя зеленеваты его глаза при этом поблескивают лукаво.

— Минимум ч! максимум!... И сообщаю, план прост: работа, постройка дома, к концу года, очевидно, покупка собственной автомашинки.

Мечты вполне реальны, нет сомнения в том, что он будет их выполнять. Но есть в этом жизненном плане молодого человека угля одно узязкое место — Николай Вискрыню много не сказал об учении.

Думает ли он учиться? Пока нет. А ведь у парня за плечами только три года работы, а ведь надо пополнить знания, неизбежно отстает, остановится в своем движении вперед.

В минувшем году он выплыл из шахты, приобрел полезные сведения и навыки у бригадира, у товарищей по работе. Этого, однако, мало. Горное дело, как, впрочем, и всякое другое, неучей не любит. Понимал ли это Вискрыню, ищет ли он выход? Ведь выход есть, и довольно простой: заочная учеба. Тысячи и тысячи молодых комсомольцев Донбасса занимаются заочно в горных техникумах и горных институтах. Это путь открыт для Николая, и здесь следует бросить упрек шахтному комсомолу. Донбасс вывел юношу на этот путь, но по-настоящему зазаст за учебники.

Конечно, получить образование заочно не так-то просто. Но Коля Вискрыню не так, кто избирает проторенные пути, кто пачет перед трудностями, кто ищет легкой жизни. Если он захочет, то наверняка добьется. Замотать же он не обязан. Иначе не стаят ему, как предрадел дед Корнеевич, Большиним горняком.

Так вот что значит один только год в жизни молодого человека Советской страны. Пример посадчика лавы Николая Вискрыню показывает, как быстро можно встать в трудле позволяет советским людям переключать скорости времени.

Павел ПОДЛЯШКО
Шахта 1—5 «Жеановая»,
Ильинск.
Ворошиловградской области.



В зале заседаний Международного подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

ДО ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ!

Три дня в здании Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова на Ленинских горах продолжалось Учредительное заседание Международного подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Более пятидесяти стран послали своих представителей в Москву, поручив им обсудить вопросы подготовки и праздничных мероприятий, обмениться мнениями о программе фестиваля.

В зале, украшенном флагами стран-участниц, заседания идут оживленные прения. Один за другим поднимаются на трибуну представители разных народов. Молодежь обсуждает каждый пункт программы, вносит поправки, изменения, дополнения.

Основная задача фестиваля — способствовать более широкому и глубокому знакомству молодых людей всех стран друг с другом, с жизнью, трудом, учебой и отдыхом юношей и девушек различных рас, политических убеждений, религиозных взглядов.

Делегаты не только говорили о том, что они ожидают от VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, но и рассказывали, что уже сделали их странах и фестивалю, с чем юноши и девушки собираются привезти в Москву. Та подготовка, которая ведется сейчас повсюду, ярко выразилась в разгулках, проводимых в Китайской Народной Республике. Путь расцвела там цветами! Это значит, что каждый юноша, каждая девушка должны проявить свои способности, чтобы ознакомить своих сверстников с лучшими достижениями национальной культуры.

Фестиваль — это праздник богатой шедеврами талантливой юности, это — торжество мира, дружбы и взаимопонимания.

Достаточно было взглянуть, как растет, бок о бок, сидят представители двух культур, которые и друг с другом беседовали, как француз выслушал и ответил на английские записав свой адрес в блокнот представителя Египта, чтобы поехать для мирного сотрудничества всех народов земли нет границ.

Важно добры не требуют перевода. И все участники заседания прекрасно поняли и разделили радость почтительности отвечать свои национальные традиции и культуру разномыслию, но сердечным дружелюбием. Представители Индии и Кореи шли посылы зала в Бухарам цветы, поднесенных им советскими девушками подождали их обнимаем, им жали руки англичане, канадцы, греки, венгры, бразильцы. Это была прекрасная атмосфера. И каждый делал, участвуя в те-

ние трех дней в работе заседаний, невольно переносила мысля в прошлое и будущее. Прошедшие пять фестивалей теплом своих взаимоотношений между молодежью всех стран помогли расстлать лед «холодной войны». И не случайно в Обращении Международного подготовительного комитета говорится: «Если бы сейчас это было бы легче. Постепенно устанавливаются большие взаимоотношения, доверие и дружба и вместе с этим крепнут связи, осуществляются совместные мероприятия, становится все более частыми международные контакты и встречи. В этой обстановке усиливается стремление молодежи к сотрудничеству, дружбе и миру».

От предстоящего фестиваля молодежь мира ждет закрепления и развития того, что было достигнуто ранее.

Вот три прошли в ялловый дискуссии. Программа VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов принята единогласно. Делегаты едут домой: пора за работу, осталась всего один год.

И, прощаясь у величественного здания, произносящего музыку, они нежно друг другу хорошей солнечной встречи на земных верхах успехов. Последний раз в крепком объятии соединятся белыми, черными, желтыми руками! — До встречи в Москве!

Председатель Всемирной Федерации Демократической Молодежи Врудо Бондини в интервью между заседающими беседует с делегаткой Индии Дипкой Дас.

ВЕТРАМ НАВСТРЕЧУ

Стихи молодого поэта Леонида Чикина свидетельствуют о даровании их автора. Основной темой его творчества являются героизм, мужество, патриотизм, любовь к Родине. Истоки этой темы лежат в самой биографии автора, семидеятитысячной воинской участью на фронте войдывания в стрелковой полк.

Естественно, что, как и многие его сверстники, молодой воин крепко впечатлен в памяти первые серьезные жизненные испытания.

Леонид Чикин пишет не отвлеченно, не погружаясь в состояние расслабленной сонливости, а старается избирать действительность зримо, ищет необходимую верную деталь. Выразительно и убедительно звучит его стихотворение «Высоты», которое здесь публикуется.

Тема этого стихотворения развивается свободно и уверенно. Она несет в себе гордость публицистическую мысль, внутренне перекликается с недавним боевым прошлым и славит героическое настоящее.

С таким же выразительным рисунком патриота, с той же высокой нотой восхищения перед героическими примерами воинской отваги, но уже более «интересней», на основе сегодняшних трудовых событий построено стихотворение «О подвиге». Троекрат образ восторженного мальчишки, который, встав дышя, слушает приехавшего на областного центра летчика, рассказывающего о доблестных подвигах Зои Космодемьянской, Олега Ковалева, Александра Матросова и других героев Отечественной войны. Так и видишь все «плотную бригаду», усеивающую на камниту траву возле станиц, ощущаешь запах подвиготы чести, слышишь шорох станиц.

Леонид Чикину не чуждо лирическое раздумье. Его «Тайга» и особенно «Над черной равниной» — замечательно глубокие стихи, но одновременно они отмечены строгой сдержанностью, окрашены разумным спокойствием.

Конечно, Л. Чикин в творческом отношении еще человек не совсем сложившийся, он находится в процессе художественной формирования. При всех его достоинствах он иногда грешит дисбалансом в отношении к риторичности. Поэт допускает чисто технические промахи. Однако лучше в творчестве Л. Чикина убеждать не в искусственности поэта и позволяет надеяться на его хорошее будущее.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Высота

Опять высота 115, 12,
где камешек каждый знаком.
Опять по сигналу на штурм поднимаемся,
ползти по болоту,
по склонам взбираться
до встречи с усюным врагом.
Нам это, признаться, осточертело,
но в сотый уж раз впереди
высота торчала,
кованная гресмал,
присыта валам:
— Иди!
Не точкой на карте, а школой суровой
была эта местность для нас,
не кровью, но потом полнота вдвойне
и взятая штурмом по раз.

Потом я запомнил другие высоты:
под ними граница лежит.
На карте кружками отмечены доты,
пухлякром — укрепубжики.
Но в полноту чужой высоте
Гарнизонной
ушел в тишине батальон.
И жирным крестом зачеркнула
батальонный
не взятый пока, но уже обреченный,
врагом укрепленный район.
Он был обречен, когда рыжым болотом
шагали, ползали мы вперед,
когда гимнастерки дубели от пота
на насazole взлетывало.

Расцвет поднимался, и новые дали
сверкали, маняли вперед.
И снова дорожную пыль прибывали,

и снова уверенно роты шагали
на штурм укрепленных высот.
Комбат приходил:
— Веселее, ребята!
Победа видна впереди.
Во-о-он ту высоту одолеем к закату,
а там уж немского тайгу.
Солдат посмотрел: как разорванной
ваты,
укрыт облаками полдем,
он ждал вороную сталь автомата
и просто ответа:
— Дойдем...

У каждого в жизни высота бывает,
которые надобно взять.
Сегодня, о прошлых годах вспоминая,
«Дойдем!» —
отвечаем опять.
Дойдем!

И хлеба поклонились нам в поле,
где валаствовала раньше бурьян.

Дойдем!
И на станции Северный полков
ушел самолет сквозь туманы.
Нас ждут и тайга, и далекие горы,
и в снежную тундру пути,
равнины Алтай,

и Сибири просторы,
и, значит, нельзя не дойти.
Нельзя!

Там высоты заветные наши,
еще не окончен поход.
Дойдем!

Пусть подъем и опасен и страшен,
лукакая высота не разведена даже,
но если Отчизна
«Штурмуйте!» —
прикажет,
то нет неприступных высот.

Тайга

Глухая тайга. Вездорозье немое.
Лишь зверь здесь находит пути.
Здесь летом над вечнозеленым покоем
лишь птица свободно летит.
Над рыжым болотом с утра
беспрепятственно
жужит надоблавыный гуус.
И гучи несет с плашомо тумана
ковды непролазнейшей гуры.
Стеной поднимаются горы. На склонах
тайга вековая встает.
И матово-черная лента гудрона
манины уводит в обход.
Здесь днем ли весенним, осенней ли
вечью



машин непрерывный поток.
И люди считали: не смещешь короче,
не смещешь вернее дорою.
Один не поверил. Отправлялся пешим
в тайгу за крутой перевал,
туда, где бродил заблудившийся алексий,
и тот себе ногу сломаи.
Волота трясинной его повстречали,
и лет на пути бурелом.

Но там, где грошеи ал, пунктиром
вынчаю
тропинка танулась. Потом
пробили дорою, покрываям гудроним,
и вот уж колиниями тут
проколоты машины. А рядом на склонах
дремучие ели растут.
Снизятся над вершинами буйные ветры,
снега засыпают тайгу,
но, как часовые, высокие кедровы
дорою от бугров берегут.
Они остаются и ветер эвенции
и вступают с бурянами в спор.
Хранят они память о том, кто сквозь
чащи
по топам прошел, между гор.
Он здесь проходил не с мечтою о славе,
не жаждой награды одержим,
и эту дорою безвестный оставил
на память идущим за ним.

О подвиге

Приехал лектор в плетую бригаду.
Из областного центра путь далек.
Иazole стана на траве измятой
на полчаса усеялся все в кружок.
Они живут не вдали печали,
одной семьей — и в счастье и в беде —
в бескрайние приехавшие дали,
совхоз построят в знойной Куауде.
Им степь, как дом, теперь. А ведь,
признаются,
немного страшно было в первый день...
Сидит мальчишка. Лет ему семидеятый,
Остался в востушках, кепка набекрень.
Лицева детство позади и школа,
приехал в степь, где солнце да ковыль.
И вот о славном первом комсомола
он слушает волнующую бьял.
Полм чернеют. И перед грозою
прохладный ветер шестелит травой...

— Нас всех не перебить, —
— Мы победим, —
— сказала Зои.
— ответила Кошевой.
С гратями вставала Чекалин Шура,
в плаву Смирнов под плетками молчала,
и, гурауль закрывая амбразуру,
Матросов путь к победе открывал.
Мальчишка слушал, глаз не отупекая,
и тем, кто в битвах не шадил сил,
завидовав,
того не понимая,
что сам немалый подвиг совершил.

Над чернеющей равниной
белый падавет туман.
Не спеша уходит льдыни
в Ледовитый океан.
Обь молчит. Потом приаюмом
на песок бежит волана...

Ты бываешь, как она;
и вот так же молчалива,
и вот так же холодна.
И мне кажется горюю:
на волнах качай лед,
между мною и тобою
Обь арпальская течет.

...Ты смеешься — лед растаял,
и берега вошли река.
И любовь твою — я знаю —
и чиста, как даль речная,
и, как море, глубока.
Той любви покой не нужен,
ей — я знаю наперед —
не страшны ни злая стужа,
ни весенний ледоход.
г. Новосибирск.

ПРИСМБАЧКЕ

Рассказ

Рисунки В. Каменского.

Его фамилии в списке не оказалось. Андрей еще раз пробежал глазами расклеенные под светом лампы. На бумагу «С» фамилий было вообщем мало. Какой-то Паюничкин, Пелевич, Пастухов... А Пискунова нет. Сзади нажимали. Кто-то толкнул плечом, и к своей интрижке прорвалась энергичная толстая. От ее крикливых плеч под фиолетовой блузкой исходил такой жар, что Андрей сначала отстранился, а потом совсем выбрался из толпы будущих студентов.

— Не принима? — спросил его парень в арко-галстуке. — Представь, меня тоже Гоголь подал.

Андрей вспомнил. С этим парнем они вместе писали сочинение и шептались так громко, что экзаменатор дважды делал замечание. Андрей являнулся улыбнулся и пошел к выходу.

Большее всего его удручал предстоящий разговор дома. Можно заранее представить, что скажет о его провале мать и как поведет себя отец. Мать раскричится, расплачется, будет упрекать за испорченные радиоприемники, на которых он практиковался, готовясь когда-нибудь стать инженером связи. А отец молча потрогает золотые очки и, сутулясь, уйдет в кабинет. Тогда и Андрею ничего не останется, как съестся в своей комнате Хорхевиц, а у них большая квартира и, когда в доме неприятности, можно не досажать друг другу.

Но все вышло не так. Мать уже все знала. В дни экзаменов она и дело названивала в приемную комиссию. Два часа тому назад ей сказали, что Андрей Пискунов недобор четыре очка и считается не прошедшим по конкурсу. Ожидая сына, она успела накричаться, наплакаться, трезво оценить обстановку и даже говорить с одним знакомым, где продавались породистые щенки...

— Бедняжка! — шепнула она, открывая дверь. — Какая несправедливость! У тебя же таланты во кружке радиодоброты! Почему это не принимают во внимание? Но ты не расстраивайся, папа похлопочет. Завтра он пойдет в министерство. Садись обедать и кати загляни под стол... Там тебе подарок!

Анна Степановна все еще относилась к нему, как к ребенку. Ее иногда удивляло, что он стал выше ее ростом, вотник боится сорок нервного размера и в плечах гораздо шире, чем отец. Впрочем, Иван Андреевич, как зовут главного семейства Пискуновых, никогда не отличался могучим телосложением. Только б Андрей не вошел в него сутуловатостью и редким волосом! Сейчас у него такая чудесная шапка густых каштановых волос!

— Ну, папа, покажи собаку! — рассердился Андрей, обнаружив под столом рыжего щенка. — Какая теперь собака! Тут год пропалает, а ты собака!

И опять вышло все иначе. На другой день отец привнес из министерства официальное отношение в строительный институт. Дирекция предлагало засчитать Андрея Пискунова на первый курс. Факультет по выбору.

— В строительный или в не пойдут! — уперся Андрей. — На черта мне строительный, когда я решил быть инженером связи!

— Андрюша, теперь не выбирай! — угрозила мать. — Ты сам говоришь, что год пропалает. Не все ли тебе равно, где слушать лекции? Некоторые дисциплины совпадают. А со второго курса можно взять перевод хотя бы в тот же институт связи.

— Она права! — смущенно подтвердил отец. — Зачем тебе бороться без дела? Я вот только против собаки. Она тебе ни к чему. Собака под старость заводят.

Разгорелся спор о собаке. Анна Степановна твердила, что все порядочные люди, независимо от возраста, имеют собак. Собака — друг, она и сторож, а когда грустно, — развлечение. Когда Жорик Покровский провалился на экзамене, ему тоже купили собаку.

Щенка назвали Янтарем по масти. Он рос довольно быстро и на первом курсе действительно равнялся Андрею. Шурша осевшим листом, несся по дорожкам скверка в направлении обиходных скамеек. На этом же сквере прогуливали своих собак и другие владельцы. В большинстве это были женщины, суя по всему, праздные. Встречались и молодые люди. Один из них, в зеленой велюровой шапке, и был тот самый Жорик, о котором упоминала Анна Степановна. Он вошел на поводку черную квадратную таксу.

— Ого! — сказал Жорик, заметив Андрея. — Это твоя собака? Почему мило?

— Узнаю, что это подарок родителей, кхитро улыбнулся:

— Понятно! Значит, были в жизни огорченья? Ресвет верней: собака — лучший жизненный помощник. Девять займемся дрессировкой.

По его совету Андрей заставил Янтара таскаться по территории института. От холода у пса выли зубы. Напрасно задирали он морду в надежде избавиться от боли. Жорик смеялся, а квадратная такса забегала вперед и оскорбительно висло лаяла.

Потом Андрею все надоело: институт и собака. Он опять стал мудрить над приемниками, а Янтарь пристрастился к зеркалу, которое стояло в комнате Андрея. Всякий раз, когда несся садиться перед шифоньером, по ту сторону шкафа появлялась большая рыжая собака. У нее были узкая длинная морда и пышный горжет с белыми подпалинами. Янтарь пытался ее обнюхать, но она даже не падала. Он думал на все стоял горючо и часто, что зеркало внизу потускнело и, как обнаружилла Анна Степановна, было безнадежно испорчено. Все упреки обрушились на Андрея. Если ему купили собаку, за ней надо следить! Надо, наконец, хотя бы учиться, а не заниматься посторонними делами...

— Мать была права: Андрей не занимался учебной. Письменный стол был завален радиоаппаратурой. Невенная «Флитка» превратилась в груды хлама.

— У тебя же не сдано ни одной курсовой работы! — упрекала мать.

— Откуда ты это знаешь? — удивлялся Андрей.

Анна Степановна забрала Янтара и торопливо покинула комнату. Ответить на этот вопрос — значило признаться, что она вмешивается в личные дела сына. Андрей мог рассердиться, но Анна Степановна особенно полагалась по телефону с той девушкой, за которой он ухаживает? Она звонит ему почти каждый день. И так как голос ее приятен, Анна Степановна решила завести с ней знакомство. Девушка зовутся Анна. Она однокурсница Андрея. Живет в общежитии, потому что родители в Суздали. Единственно, что не нравится в девушке, — это яркий выраженное «о» северянки. Но поскольку Анна состоит вместе с Андреем и может стать чем-то полезнее, Анна Степановна записала ее «координаты» в справочную книжку, на той странице, где значились телефоны пожарной



команды и скорой помощи. Часто, накрывшись шалью и понижая голос до шепота, Анна Степановна выспрашивала у черной телефонной трубки все, что касалось Андрея... Проше бы им пригласить Риту к себе, но она еще колебалась.

Впрочем, Рита в дом Пискуновых уже вошла. Ее фотографии стоит на столе у Андрея. Иногда в отсутствие сына Анна Степановна рассматривала ее долго и прищурив. Ничего особенного. Какой-то заморщик с остройкой мордочкой. Вот разве волосы. Видно, что они у нее легкие и очень светлые. Глаза полуприкрыты ресницами, и тень от них трогательно и нежна.

Андрей стал замкнутым и грубым, даже в институт за последние время ходил от случая к случаю. Его настроение все больше пугало Анну Степановну.

Кочка думать о детях, невольно вспоминается и своя молодость. Лежа на тахте, Анна Степановна пыталась восстановить ее этап за этапом. Было трудно, иногда голодно. Но какое отличное настроение было у Анны Степановны — молодойкой делегатки в красном плащике! Она работала на фабрике, там же, где и муж. Если удавались, то все их жизнь укладывалась в своеобразную пеструю сетку, — «Кирпичики»... Везде бывала работницей Иван Андреевич тоже стал директором... Так почему нет такого залога у Андрея? Почему они, живущий на всем готовом, материально обеспеченный и отлично одетый, превратился в бродягую меланхолика? «Гити! — сползается вдруг Анна Степановна. — Во всем виновата она!» Материнская ревность пронизывает все ее существо. Эта девушка ослепила его, лишив нравственных сил. В институт он не ходит из-за нее. Рита его не любит!

— Она мысль кажется ей настолько ужасной, что Анна Степановна, вскочив с тахты, стучит в кабинет к мужу, хотя отлично знает, что от шести до восьми он отдыхает.

— Что случилось? — недовольно спрашивает заспанный Иван Андреевич.



— Послушай! — торопливым шепотом начинала женщина. Мне кажется, что эта Рита...
— Она плотно притворила за собой дверь: об этом разговоре сын знать не должен.

В квартире тихо. Где-то в дальней комнате притаился Андрей. Его дверь на ключе. В прихожей скучает Янтарь: ему хочется на прогулку.

Зима была на исходе. От серого, закопченного снега город выглядел постаревшим. Постарели даже деловые морозы, сторожащие тепло между рамами. Утрами на водосточных трубах с грохотом вылетали на тротуар ледяные бляшки.

К весне в квартире Пискуновых произошла перемена. Иван Андреевич уехал в командировку. Это случилось и прежде, но никогда еще Анна Степановна не чувствовала себя столь тревожно. Больше всего боялась она за Андрея. Боялась за его любовь, которая так и осталась невясной. Боялась за предстоящую сессию: у Андрея было три «краски». «От зимней шубы», — несенное подшучивал над собой сын.

Рита звонила редко. Судя по коротким, отрывистым фразам, которые бросала в трубку Андрей, он был в соре. Анна Степановна могла бы позвонить ей сама и наводящими вопросами выяснит отношения. Но телефонное знакомство с Ритой как-то зачехло. Анна Степановна была на нее в беде за то, что всякий раз, когда она спрашивала ее о своем сыне, девушка удалялась.

Разве вы его не видите?
— Вижу, — признавалась Анна Степановна. — Но он такой замкнутый. Все сидит в своей комнате, как барск в норе. Боясь, что опять не готовится.

Андрей и в самом деле не готовился. Он конструировал магнитофон. Для этого пошло в ход все содержимое «Балтики», патефона и проигрывателя. Иногда он высасывал на кухню, чтобы нагреть палачик, и тогда вся квартира наполнялась удручающим чадом. Анна Степановна хватала полотенце и, намочив его, пластом ложилась на кровать. Сердце сдавало от каждого пуська, а Андрей только поменялся и говорил, что пора ей переходить на диету.

Однажды, перебирая в горке хрустала, она отчетливо услышала собственный голос: «Янтарь! Положи кость на фанерку, слышишь, на фанерку!»

— Что это? — побледила Анна Степановна.

— Андрей, что это такое?

— Тсс! — Стоя у дверей своей комнаты, Андрей поднял палец. — Слушай дальше!

«Ма-а-а!» — доносились откуда-то фальшивые пение. — Ма-а-а, нет слух ярче и нежной!» Услышанный радиоид, голос был чуть изменен, но сомнений не было: он принадлежал Анне Степановне.

— Я схожу с ума! — заволашевалась она, поспыравсь отстранить Андрея, который загора-

живал проход в свою комнату. — Что у тебя там такое?

— Магнитофон! Сам сделал. Здорово, а?

— Здорово! — согласилась потрясенная Анна Степановна. — Только неужели это? Раньше у меня был такой звонок голос...

Несколько дней после этого события Андрей был охвачен и ласков. Дверь в его комнату оставалась открытой, но отглаживалась к нему без дела Анна Степановна ограничивалась тем, что выделась с сыном за обедом. Можно было бы завести разговор о Рите, спросить, какая она по характеру и достойна ли того, чтобы привлекать ее в дом. Но Анна Степановна думала обрела. Андрей слышал чужие. Если он найдет нужным, Рита появится здесь, когда угодно. Материнские порядки он давно уже считает мешанством и совсем их не придерживается.

Андрей же на семью Пискуновых навлекая весьма неприятное событие. Вернее, оно было началом всех последующих неприятностей.

Андрей исключил из института.
Он вернулся домой под вечер и, не отвечая на вопросы матери, сунул, прошёл к себе. Шелкунку ключ. Этот жесткий звук лишил Анну Степановну привычного равнодушия. Она стала колотить в дверь кулаками с требованием немедленных объяснений. За дверью молчала. Мать стучала и в конце концов била плечом, тогда Андрей вышел в переднюю.
— Ну, что тебе? Разве не ясно? Выгнали, и все.

Он был бледен. Глаза нехорошо блестели. «Обидели!» — догадалась мать и, кажется, крикнула это слово.

— Ша, мама! Я сказал все.

Потекли скучные, томительные дни. Весна, как всегда, опаздывала. Возможно, что где-нибудь на юге она и ошеломляла людей солнцем, синим небом, цветами. Но здесь, в голубом городе, над которым вымывалась вода, она была робкой, бедной гостьей. Больше стало работы, только и всего!

Целями днями Андрей сидел за письменным столом, обвывая группу расказ. Выгнали! Неужели в самом не было повода для их выгнания. Мысли его текли вяло. Оно все время возвращалось в аудиторию номер двадцать пять, где происходило последнее комсомольское собрание группы. На черной доске, тянувшейся через аудиторию, была написана повестка дня с одним-единственным вопросом: персональное дело студента Пискунова.

Первое слово, разумеется, комсоргу. Рита поднималась на кафедру. Она могла бы говорить и с места, маленький комсорг из Суздаля! Но, вероятно, ей очень захотелось показать свою красоту, шерстяную кофточку с оленями на груди. Андрей сидел за первой парты, скатывая в шарик какую-то бумажку. Потом, когда бумажка почти совсем истерлась, он разнервничался и увидя, что это ртуть, вынул. А ртуть и вышла из уст: «Ты меня любишь?» Она спрашивала это каждый день. Андрей посмотрел на кафедру и усмехнулся.

Рита оказалась добросовестным комсоргом. Она повторила собрание все, что прежде выслушала комсорг. Это было идиотское, но Андрей перестал ее слушать. Он встрепенулся только к концу, когда его слуха коснулась странная фраза: «чужое место».

«Почему чужое?» — хотел спросить Андрей, но Рита уже открыла преисполненную глаза. Было немодно. Она говорила, что согласна с оценкой комсорга и вносит предложение объявить Андрею строгий выговор.

Когда собрание кончилось, Рита первой пошла к двери, даже не оглянувшись на Андрея. Он пожелал глазами ее красную кофточку, но, пожалуй, слишком яркую для зимы. В вакуумной аудитории было душно. В горячих спорах никто не догадался открыть форточку. Потом в аудиторию пришла уборщица и стерла ее доску постукивая лямом фамилиям. Андрей А. Доска в другой день его вымывала и дирекция и вручала приказ об отчислении. Он даже не вернулся в группу, на третий этап, чтоб попроститься с ребятами.

Стихает даже море после шторма. Успокоилась и Анна Степановна. Однажды ей обедом она завела разговор о том, что теперь надо предпринимать. Все у нее релалось просто: будет предлет отид, сходит опять в министерство, и все устроятся. Будет считаться, что Андрей

окончил первый курс, если, конечно, осенью ликвидирует зимние и весенние «хвосты». Не удастся опять в институт сдать, есть еще юридический институт.

Андрей безразлично постукивал дождь. Всякое упоминание о других институтах было ему неприятно. На кой черт ему юридический? Тут-да, куда стремился, он не полагал из-за своей глупости. — Студентам придется полагаться не вместо того, чтоб разбраться и собрать премирники.

— До осени еще далеко, — уклончиво отвечал Андрей. — Там будет видно, что делать. Не поступит ли мне куда работать?

Анна Степановна чуть не вырвала из рук тарелку. У других детей — студенты, а у них, у Пискуновых, какой-то подмастерье! Она представила себе Андрея в промисленной спецовке, с клешнями в руках, и заплакала.
— Анна Степановна! — вскричал Андрей. — А ведь папа тоже из рабочих. Забыла? Слышком ты вот хрусталики увлекается. Когда в доме много детей, их затягивает паутинкой. И тебя тоже, заметь!

Удивил сына Андрей, матери всегда казалось, что ему нравятся и уют и достаток. Ведь все это najтно честным трудом. И отец — весьма уважаемый человек: столько ему попорить за Андрея, как министр сразу распрощались... При чем же здесь эти странности?

Но вскоре Анне Степановне еще раз пришлось задуматься о намерении Андрея. Как-то вечером явился участковый. Он спросил, здесь ли проживает Андрей Пискунов, человек без определенных занятий.

— Наша фамилия — Пискуновым, — с достоинством сказала Анна Степановна. — Надеюсь, вам это известно?

Да, участковому было это известно. Тем же менее он интересовался, что собирается делать Андрей в ближайшее время. И уходя, почему-то спросил, чья это собака.

— Не беспокойтесь! — сызвала Анна Степановна. — Собака как раз при занятости. Я живу ее в клуб Досафа.

Удивил сына Андрей, матери всегда казалось, что ему нравятся и уют и достаток. Ведь все это najтно честным трудом. И отец — весьма уважаемый человек: столько ему попорить за Андрея, как министр сразу распрощались... При чем же здесь эти странности?

Но вскоре Анне Степановне еще раз пришлось задуматься о намерении Андрея. Как-то вечером явился участковый. Он спросил, здесь ли проживает Андрей Пискунов, человек без определенных занятий.

— Наша фамилия — Пискуновым, — с достоинством сказала Анна Степановна. — Надеюсь, вам это известно?

Да, участковому было это известно. Тем же менее он интересовался, что собирается делать Андрей в ближайшее время. И уходя, почему-то спросил, чья это собака.

— Не беспокойтесь! — сызвала Анна Степановна. — Собака как раз при занятости. Я живу ее в клуб Досафа.

Удивил сына Андрей, матери всегда казалось, что ему нравятся и уют и достаток. Ведь все это najтно честным трудом. И отец — весьма уважаемый человек: столько ему попорить за Андрея, как министр сразу распрощались... При чем же здесь эти странности?

Но вскоре Анне Степановне еще раз пришлось задуматься о намерении Андрея. Как-то вечером явился участковый. Он спросил, здесь ли проживает Андрей Пискунов, человек без определенных занятий.

— Наша фамилия — Пискуновым, — с достоинством сказала Анна Степановна. — Надеюсь, вам это известно?

Да, участковому было это известно. Тем же менее он интересовался, что собирается делать Андрей в ближайшее время. И уходя, почему-то спросил, чья это собака.

— Не беспокойтесь! — сызвала Анна Степановна. — Собака как раз при занятости. Я живу ее в клуб Досафа.

Удивил сына Андрей, матери всегда казалось, что ему нравятся и уют и достаток. Ведь все это najтно честным трудом. И отец — весьма уважаемый человек: столько ему попорить за Андрея, как министр сразу распрощались... При чем же здесь эти странности?

Но вскоре Анне Степановне еще раз пришлось задуматься о намерении Андрея. Как-то вечером явился участковый. Он спросил, здесь ли проживает Андрей Пискунов, человек без определенных занятий.

его бедность. На него часто оглядывались, но от него ничего не замечал.

Выбрав самую уединенную аллею, Андрей шел в шаровой шубе, так вероятно, не раз сменял любовнице. Черный ствол ее был испещрен инициалами и именами. Сюда почти не доносился шум города.

Вдруг Андрей вскопчил. Повинуясь его движению, вскопчил и лес, тучко наставил уши. Вдали по аллее шла девушка, невысокая, в коричневой шубке и плоской вязаной шапочке. Облачко детски-синих волос чуть колебалось при ее походке. Если бы не шапочка, чудно державшаяся на затылке, это незнакомое облачко давно подхватывал бы ветер. Но он только играл длинными локонами, путая их и разбрасывая по плечам. Андрей пошел ей навстречу.

— Ты здесь? — спросила девушка и тихо засмеялась.

— Может, Андрей и в самом деле выглядел смешным в сопровождении своей лохмотной рыжей собаки.

— Он не кусается? — спросила она.

— Да нет же, Рита! — Андрей жадно смотрел на нее, не замечая, что слишком долго держит ее руки в потертой серой перчатке. — Почему ты сказала, что не приходишь?

— Не знаю! — трахнула она своим светлым облачком. — Я рассердилась. Ты не звал(а) так долго.

— Как же я мог звать(е)? Ты все-таки комсорг и должна быть принципиальной...

— Да, — согласилась Рита, и озабоченность скопывалась по ее лицу.

Они присели на скамейку, и Рита стала гладить Янтяря, положив его морду к себе на колени.

— Ну, что у тебя? — спросила Рита. — Мы не виделись целую вечность.

— Мески, — утонула Андрей.

— Все равно. Что ты делаешь?

— Андрей смущенно развел руками.

— Как? — удивилась девушка. — Ты ничего не делаешь?

— А что и должен делать?

— Не знаю. Просто странно, когда сильный, здоровый человек ничего не делает.

Андрей пожал плечами. Сказать ей об участковом, который приходил с тем же вопросом. Но сора так еще свежа. Примерение может не состояться. Лучше сказать другое, более приятное для обеих.

— Мне разрешили сдавать экзамены в юридическом институте.

— В юридическом? — удивилась Рита. — Постой, как же это?

— Строгий ты мой комсорг! — засмеялся Андрей, довольный эффектом, который ошеломил Риту. — Представь себе, что твои зажигательные речи не дошли до министерства.

— Но ведь это же подло! — вспыхнула Рита.

— Что подло? — резко поднялся с места Андрей.

— Подло быть в институте, который ты не любишь. Подло проникать в него через своих завсучажных родителей! Короче говоря, подло занимать чужое место!

Нет, их примерение было мнимым. Слишком različны были они, чтоб любить друг друга.

Острая нехватка захватила Андрея. Как-то жалела девочку из «Судалди» Авторитетная! Певать ему на это! Смешило, что он мог тосковать о ней, целовать ее фотографию.

— Расстаться никогда не поздно, — сдерживая себя, сказала Андрей. — Извини, что я потревожил(а) тебя, вызвав на это свидание.

С сердцем происходит иногда смешные выкрутасы...

Рита молча опустила ресницы. Разлука тяготила ее тоже. Мысленно она все время была с Андреем. Ждала его, каялась. Но вот они встретились, и все начинается сначала.

— Я хотел кое о чем спросить тебя. Можешь? Она кивнула.

— Что это за теория о чужом месте? Ты говорила о ней и на собрании, но, признаюсь, я тогда пропустил это мимо ушей.

Рита покачала плечами.

— Впрочем, я догадывался, что ты была на дешевой эффект...

— На эффект? — вспыхнула Рита. — Да как ты смеешь! Речь идет о Борьке!

— О каком Борьке? — кризис спросил Андрей. — Что еще за Борька? Впрочем, извини. Я не знал.

— Не знал! — с упреком вскрикнула Рита. — Какое же ты имеешь право не знать? Разве мало таких, которые не попали в свой любимый город? Вот и Борька. Он мотал о нем с детства. Отец у нас плотник. От него все и пошло...

— Брат, что ли? — спросил Андрей и вдруг почувствовал, как сильными толчками бьется его сердце. Почувствовал и засмеялся.

— Смейся! — вспыхнула голова Рита, и светлое облачко ее волос вспыхнуло тоже. Но чужак, она в ту же минуту поглядела и притихла.

Глаза ее встретились с глазами Андрея, и все, что вышло из его рта, обидя, выдумывая, разлука, гордые слова упреков, — потонуло в этом взгляде.

— Ты раскисла! — заранее прощая ей все, попросил Андрей и привлек к себе, чтоб защитить от ветра. — Значит, ты приезжала сюда с братом? И его не приняла?

Вздвинула Рита привалась рассказывать. Это была обыкновенная история о человеке, которому не повезло. Ритин брат получил двадцать шесть очков, а требовалось двадцать семь.

Иногда это случается от вонючки. Когда Борька разлука, гордые слова упреков, — надо ждать дополнительных мест в министерства.

Они всегда дают эти дополнительные места именно вот на такие случаи...

Ритина наивность вызвала у Андрея улыбку. Девушка из маленького городка воспринимала жизнь слишком возмущенно. Ее мир был заселен доброжелательными людьми, но иногда эти доброжелательность могла достаться не тому, кому надо.

— Так и вышло, — продолжала Рита. — Из министерства исключили не места, а дополнительный список студентов. И в этом списке ты был тоже.

— Так, — задумчив произнес Андрей. — Если я подсудимый, то от своего последнего слова от отказываюсь. Суди дальше. Проговор принимаю любой.

Наступила короткая пауза. То, что узнал сейчас Андрей, было для него непритянутой открытием. Он, конечно, подозревал, что многие не попали в институт, хотя имели на это большие нравы. Но они были абстрактны, эти неудачники, без имени, и стало быть, не тревожили. Ритин брат — это другое дело. Это близко и сочувственно.

— Почему ты никогда не говорила о нем?

Рита молчала. Что она ему ответить? Вызвано обстоятельством, когда нечего и изменять. Он поправился ей сразу, как только они увиделись на лекции. Они шли вместе, и все казалось, что их стоило рассмотреть как нельзя лучше. В перерывы, когда студенты выходили в коридор, Рита оставалась на месте, потому что ее руками Андрей завладевал раньше, чем прозвенит звонок. Нет, не могла она тогда говорить ему о брате!

— Кстати, где он сейчас? — Уехал обратно. Теперь работает на стройке. Через год у него будет больше прав, чем у тебя. От своего он не отступится!

— Думаешь, я отступлюсь? — прищурился вдруг Андрей. — У тебя что ли слово, так мало Борька работает — в мой город камешки. Борька своего добьется — опять меня поковыряешь. Зачем? Ты лучше прямо.

Рита согласилась, что право, без намеков, разумеется, честнее. Так вот, пусть он до осени поступает работать. Стало появляться в том институте, которым ты не дорожишь. Профессия инженера связан стоит того, чтоб ее добывались честно.

— Ладо! — повеселел Андрей. — Об этом я подумаю.

Они поцеловались. Воспитанный Янтярь легким отгнулся. Тогда они стали смеяться над ним и тереть его за уши. Он благосклонно принимал эти ласки, хотя в общем ему хотелось домой. И вдруг неслучайно, ошестив свой пылающий горжет. Он заметил черную таксу, показывающую в конце аллеи. Она бежала вперед своего хозяина, который шел, небрежно вскидывая тросточкой. Белорукая шлепала прикрывала его лицо, ничем не примечательное, кроме угрей. Порывавшись со скамейкой, он фанатово раскисавши и нагдо прищурился, как бы оценивая Риту.

— Кто это? — поскислась девушка. — Ты его знаешь?

— Да тут один... вроде меня. Также, в общем, при собаке!



1. Хотя под ногами не парит, а кустик жестковатой степной травы, это молодым танцорам не мешает кружиться в вальсе. Не смущает их ни палящее солнце, ни то, что одеты они не по-балальному, а в комбинезоны и тяжелые сапоги: многие пришли сюда прямо с поля, с фермы, из мастерских.

Убран богатый урожай, теперь можно повеселиться. Сегодня молодежь алтайского зерносовхоза «Урожайный» празднует свадьбу Валентины Константиновны и Александра Войтенко. И хотя немало уже новобранов нашли свое личное счастье на целине, появление каждой новой семьи здесь — общая радость.

На этом снимке вы видите заключительную сцену праздника. Потому мы хотим показать вам этот день с самого утра.

2. Познакомьтесь сначала с невестой. Правда, Вала сфотографирована не в белом платье, принимающем ее полюбившим, а в рабочем. Она по профессии машинистка и с гордостью проходит мимо выжженных домов, сляди, гарячих мастерских. Еще был Вездь в каждом здании, есть юрчица, полюбившие ю.

Конечно, нас могут удивить в том, что мы, дескать, отдаем дань установившейся традиции, вглядываясь в лирическое повествование производственного линия. Пускай удивляют! Во всяком случае, именно в таком виде Вало встретил и полюбил Александр Войтенко. Он-то знает, что не ошибся, доверив свое счастье умелым рукам Валентины. Она сумеет построить хорошую семью!



3. А вот и сам жених. Пока он разговаривает с невестой (в жанре свадьбы надо успеть столько сделать, что кажется, не останется времени для восторгов и Вали, но время все же нашлось), мы коротко расскажем о нем читателям, многие из которых не бывали в совхозе «Урожайный» и не знают шофера Войтенко. В прошлом году он приехал сюда из Великих Лук одновременно с группой молодых москвичей-автолюбителей. Дала тогда в совхозе шли не блестяще: машины на полях работало протавили, организация труда большого колхозиста была неважная. Зато и весной и осенью 1956 года молодежь совхоза подготовилась хорошо. Особенно отличились механизаторы. Среди них не последний был и Саша Войтенко.

Свадьба в «Урожайном»

Фотоочерк
А. Агапова и В. Канаева.



4. Пока у дома под березками собираются оркестранты и гости, пока на кухне жарятся и варятся наизюм аппетитно пахнущие блюда, пока накрываются на просторном дворе столы, Валентина и Александр в сопровождении друзей едут регистрироваться. Доехать до сельсовета недалеко, но... подвело колесо. Женщину пришлось на несколько минут расстаться с невестой и помочь шоферу.

5. Вручая свидетельство о браке, председатель сельсовета Евгений Пустовалов поздравляет молодоженов. «Теперь», — говорит он, — вы семья, малолетний, но колхозник. Желаю вам счастья, успехов в труде, хороших детей и — не улыбайтесь! — здоровой критики и самокритики, а не семейных раздоров!»





6. Тут же, у дверей сельсовета, Валию горячо поздравляют подруги: «Будь счастлива, Валуша, ну и...» Дальнейшее было сказано шепотом, на ухо, и мы, к сожалению, не расслышали слов. Но, судя по смеющемуся лицу девушки, пожелания ей нравились.



7. Как принято, молодоженов, приехавших из сельского совета, вышли встретить родители Валентины: «Ну, дети, живите в любви и согласии!»



8. А вот и еще поздравители — целая делегация из шестой бригады вручает молодоженам талисманы: «Поскорее обзаводитесь хозяйством, иречь вставляйте на ноги — говорят друзья. — Пусть будет сладким и жирным молоком, которое даст через два лет наш подарок. Пусть ваш первенец, который, несомненно, повянтся к тому времени, здоровеет от этого молока!»



9. Что это такое, в самом деле? Все словно сговорились сегодня заставлять невесту, простите, молодую жену, краснеть и опускать глаза. И председатель сельсовета, и подружки, и мать с отцом, и товарищи — все пророчат доминю детей... Дале здесь, когда уселись за праздничный стол, появилась еще одна делегация — из соседней бригады. Среди подарков, подаренных молодоженам, одобрение собравшихся и очередной прилив крови к щечам Валентины вызвал комплет белья для новорожденного.

Но кому какое дело, отчего зарумянилась молодая жена! Мовет быть, от жаркого солнца, или от вальса, или от выпитого вина, или оттого, что рядом любимый человек...

А веселье продолжается, растет. И только прирученные холостяки томятся в стороне от танцующих (смотри первый снимок, задний план).



ЖИЗНЬ СЛОЖНЕЕ ГОТОВЫХ СХЕМ

ОБОЗОР ОТКЛИКОВ ЧИТАТЕЛЕЙ НА СТАТЬЮ
«СУД КОНЧИЛСЯ, А СПОРЫ ИДУТ И СЕЙЧАС...»

В замечательной поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» есть слова: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Отчего так случилось. Когда редакция журнала «Смена» обратилась ко мне с просьбой поделиться своими мыслями по поводу случая, описанного в статье Л. Видюга и Я. Сухотина «Суд кончился, а споры идут и сейчас...», я, признаюсь, заколебался. Во-первых, не хотелось оказаться в положении человека, возмущающего себя «стратегом» — умником. Во-вторых, писать об этом крайне нелегко хотя бы потому, что в рассуждениях о любви так и тешит себя пошу проповедника и ищет давным-давно известные истины. Поучать легче, чем читать и воспринимать. Избавяте правоительного тона тем более трудно мне, старому учительнице и немолодому человеку. Но постараюсь.

Итак, любовь — тема нашей сегодняшней беседы. Не будем теоретизировать и давать всеобъемлющую формулировку понятия «любовь»: это едва ли необходимо, и здесь нетрудно впасть в схоластику. Любовь приходит к каждому человеку, придет или не придет, и сколько бы до этого ты ни думал и ни читал о ней, любовь всегда застанет тебя врасплох. Она или не она? Любовь или увлечение? Как понять?

Мне вспоминаются сотни «секретов», которыми делились со мной как с классным руководителем ученицы. Каждый из них, кажется, и страдал, и томился, и переживал, писал записки и начинал связываться — через несколько лет я встречала их студентами, инженерами, учителями, артистами, и оказывалось, что они нашли счастье совсем не с теми, о ком мечтала в юности.

Однажды — это было еще до войны — Юра С., ученик десятого класса, горячий, порывистый юноша, попытался покончить с собой. Его спасли. Хотя он натроет отказывался объяснить причины, побуждившие его к такому шагу, нам удалось через одноклассников узнать правду. Выяснилось, что Юра был влюблен в девушку, которая встречалась с другим. Тогда юноша, убежденный в том, что без нее ему нет жизни, отчаявшись, решил умереть.

Позднее мы случайно встретились с ним на улице. Разговорился. Юра рассказывала о себе, о фронте, о своих делах и планах, вспоминала школьных товарищей. И вдруг, смущенно улыбувшись, сказала:

— Вы меня простите за тот случай. Сколько неприятности я вам наделал! Глупым был... Самодовольно тогда заел: «А как это мне предлочить другому!» Думал, жить не смогу от обиды... Себя жалко-жалко было. Знаете, как ребенок расстраивает свои маленькие душевные ранки: «Вот убои или убеги, все плакать будешь». А плачет, сам себя жаловачи. Так и я. Оказалось, не любовь это была, а просто первая встреча с жизнью...

Он провел рукой по загорелой шее, слово стирал बहुतу впитую рубашу.

— Не сощраш. Пачет на всю жизнь и заповедь: «Не любя себя больше, чем других...» После того случая думал, что все конечно, не любить уже мне никого. Но потом, через восемь лет, пришло настоящее, большое!

Есть у меня, да теперь уже взрослая. За школьными делами и как-то проглядела, как она выросла, стала девушкой. Однажды вечером она сообщает мне, что нравится ей один

парень. Я, конечно, приструнила ее: «Рано тебе о мальчых думать! Прежде закончи университет!». А она мне в ответ: «А что, без диплома любить не разрешено? Поуперулась и ушла к себе».

Тогда-то я впервые, может быть, задумалась над проблемой подготовки юноши или девушки к первой встрече с любовью.

Вся тяжесть этой подготовки ложится на плечи родителей, школы, литературы. Родители очень часто отнимают сына или дочку, поделившись с ними «сердечной тайной», так, как отвести я: «Рано тебе жениться или замуж выходить!».

Но разве встреча с поправившимся человеком должна непременно привести к браку? Разве юноша и девушка восемнадцати — двадцати лет должны по первому чувству связывать свои судьбы? По-моему, нет, особенно если принять во внимание, что ранние браки обычно являются непрочными.

Молодые люди испытывают потребность в ласке, тянутся друг к другу и в большинстве случаев принимают это вполне объяснимое влечение за любовь. Но связывать судьбы ими преждевременно, и они это понимают, особенно юноши. Влюбленные встречаются все чаще и чаще, становятся все ближе и ближе. Юноше и этой близости ничего не грозит, а девушке — посмотрим правде в глаза! — надо быть чрезвычайно осмотрительной: к этому ее обязывает многое.

Может ли девушка встречаться с юношей, дружить с ним, любить его, не нарушая определенных этических норм? Имеет ли она моральное право искать свою единственную любовь в дружбе с разными молодыми людьми? Могут ли окружающие влиять на молодых людей, которые нарушают принципы коммунистической морали?

Эти вопросы волнуют не только молодежь: сотни откликов на статью «Суд кончился, а споры идут и сейчас...» являются активным свидетельством живого интереса к вопросам любви и дружбы. Передо мной кипельно в студентах, юношах и рабочих, учителях и колхозниках, людей, только-только вступающих в жизнь, и людей, уже вышедших на пенсию. Сколько писем, столько и мнений.

Попробуем вместе разобраться в этих письмах, попытаемся сделать какие-то общие выводы на основе описанного в статье конкретного факта.

Все читательские отклики можно разбить на следующие основные группы: а) виновата Люся, б) виноват Эдик, в) виноват Николай Яблоков, г) где был коллектив? д) в случившемся немалая доля вина нашей школы, литературы, искусства, е) авторы статьи предвзят осветили факты.

Начнем с последнего.

Я думаю, что Л. Видюга и Я. Сухотин подошли к оценке событий и людей, о которых они рассказывают в своей статье, не очень объективно, более того: тенденциозно. Они не смогли правдиво и убедительно раскрыть скоморош Эдика, Люси и Николая, показать те мотивы, которыми руководствовались герои в своих поступках. Об этом же говорит письмо П. Стрельцова (г. Тамбов), А. Шпенюка (г. Иваново), Л. Николчиненко (г. Ошкеница) и других товарищей.

Необъективность авторов статьи и привела к тому, что большинство читателей дан ответ,

который им подсказали Л. Видюга и Я. Сухотин своей оценкой действующих лиц, оценок, с которой далеко не во всем можно согласиться.

Очень много безогорочно осуждают Люсю, клеймят ее страшными словами, вроде «расстрельный тип», и т. д., и т. п. Н. Недвига из Красноярского края пишет: «Люся просто вышла из рамок советской морали, забудулась в своих поклонниках, не понимая истинной, здоровой любви». Конечно, это крайность, родившаяся в пылу спора, и мне вместе с читателями Т. Лушиничевым (г. Питтгорск), Г. Забатуриным (Хвалынский область), военком жужими В. Буравенковым, И. Кирилюхиным, студенткой В. Лапиной (г. Омск) и другими хочется попрощаться с П. Недвигой и остальными, прикрепляющими к имени и поступкам Люси позорный и не могу столь безогорочно осуждать Люсю, и не только потому, что я сама женщина. В ее положении каждый день попадают десятки, если не сотни хороших молодых девушек.

В самом деле, в чем же вина? В том, что она, встречаясь с Николаем, глада, но не смогла прогнать Эдика, когда он настойчиво провожал ее с занятием домой? В том, что не сказала сразу нет, ходила с ним в кино, подарила ему фотокартонку, пришла на выпускной вечер?

Это, по-моему, еще не основания для обвинительного заключения, вынесенного рядом читателей Люсе. Также это и не основание для того, чтобы молодой человек решил: «Я ей нравлюсь — она будет моя!».

Выдите ли, дорогие друзья, между понятиями «нравлюсь» и «люблю» очень большая разница, такая же, как между «дружу» и «люблю». А многие из вас путают и понятия, обозначаясь этими словами, и чувства, владеющие людьми любящими или дружащими.

Люся, судя по статье, не давала ни Николаю, ни Эдику никаких обязательств. Мы не знаем, проводила ли она просто время с Николаем или собиралась стать его женой, не знаем, какие чувства испытывала она к Эдику. Ее осуждают за то, что она собралась прекратить дружбу с Яблоковым, как только тот уйдет в армию. Да, это скверно. Но и тогда Люся ничего не обещала Эдику, не обещала его никакими надеждами. То, что она отослалась к нему благосклонно, еще ни о чем не говорит: нравящийся человек — не обязательно любимый человек. И если девушка симпатизирует кому-либо, это вовсе не означает, что она любит его, дает ему право настаивать, преследовать себя и требовать ответа в чувствах.



Рисунки Е. Гурова.



Нравятся могут десятки, дружить можно со многими, но любить — лишь одного.

Но что случится, когда придется такие случаи. Стоит, скажем, юноше два-три раза побывать с девушкой в кино, в театре, на вечере в школе, проводить ее домой, как окружающие начинают говорить: «Они дружат, они встречаются, у них роман!». Не надо бог, если кто-либо из ребят подглядит к этой девушке, поговорит, пригласит танцевать! Товарищи смеются: «Ты разве не знаешь, что она — тако-то (юркина, женькина, петенькина)?». Еще хуже, когда это несмышленый парень, начинающий выяснять отношения, пускаются в ход кулаки, а то и ножи.

А девушка worse и не предполагает, что к ее имени уже приписаны звание (юркина и пр.), что теперь все ее самые товарищеские парни создается волна отчуждения, и горе тому мальчишке, который осмелится вступить в эту запретную зону.

Не это ли многие из писавших называют «борьбой за отягощенное чувство, за взаимность»?

Нет, товарищи, давайте не путать понятия! На дружба, бы и любви нельзя добиться: они приходят сами собой.

Другое дело — уважение. Его ты можешь завоевать своим поведением, делами, поступками.

И в первую очередь надо научиться уважать человека, видеть в девушке не объект для завоевания и покорения, а человека, ибо на уважении основывается и настоящая дружба и настоящая любовь.

Аutors статьи и многие читатели требуют от девушки категоричного «да» или «нет». А если ей самой еще ничего не ясно? Не надо задавать человеку, в которого ты влюблен, вопрос «хочешь ли ты меня любить?». Это должно чувствоваться по всему отношению к тебе. Об этом не спрашивают. Правда, Эдик спросил несколько иначе: согласна ли Люся дружить с ним? На это и ей требовался ответ: согласна или нет.

Иногда становится не по взаимной договоренности, а постепенно, незаметно, естественно. Здесь, видимо, и автор и я и герой опять-таки такую любовь с дружбой, которая хотя, как и уважение, лежит в основе любви, но не является тем же самым.

При чтении писем пришла мне грустная мысль: слишком прямолинейно привыкли мы воспринимать жизнь. Мы с плачем-чаем рубим все, что видим, на белое и черное, на «да» и «нет», не замечаем полноты многогранности и сложности жизни. А все оттого, что мы мало задумываемся над жизнью, нередко подходя к явлениям действительности с заранее заготовленными мерками и оценками. Еще грустнее это сознавать потому, что здесь — в нашей школе, которая вместо развития индивидуальных особенностей учащихся нивелирует их, стандартизирует их мысли и чувства. И наши учителя, выходя из стен школы, нередко оказываются объективно беспомощными в вопросах взаимоотношений людей. Если бы вопросы любви и дружбы решались простым «да» или «нет», не было бы и житейных задач.

К счастью, действительность интереснее и сложнее, чем мы ее представляем.

Теперь об Эдике. В письмах И. Шеголева (г. Туран), Н. Пржевальской (г. Ваку), Л. Кригич (г. Ново-Борисов), В. Дубровина (г. Москва), О. Ефремовой и А. Коных (Томская область), И. Лавровой (г. Сыктывкар) и других читателей его поведение решительно осуждается.

В чем его вина? Он не способен к Эдику читателям, награждает его множеством добродетелей, сообщает о его трудном детстве и т. д. Почему же, кстати, они ничего не сказали о Яблокове и так мало о Люсе? Неужели эти генералы — такие нивелирующие люди, что не имеют ни одной подлинно человеческой черты? Позово себе маленькое отступление.

В том же номере журнала «Смеяна», где печаталась статья Л. Владыкина и Я. Сухотина, был опубликован рассказ Л. Антоновой «Горный сахар». Почему-то на него многие почти не обратили внимания. А между тем этот рассказ органически, а бы сказать, связан с историей, о которой повествует статья «Суд кончился, а споры идут и сейчас...».

Ведь в основе действий Эдика лежит чистейший эгоизм. Юношка думает только о себе и стремится невязать свою любовь девушке не потому, что это, по его мнению, принесет ей радость, а из-за того, что ему, видите ли, хочется, чтобы Люся была с ним. Эдик не задумывается, приятно ли это ей, нет ли в ее душе других привязанностей, хочет ли она повратиться с Николаем. Эдик идет же напролом, где хитростью к своей цели. До поры до времени он был бы терпеливым, безорпным, покорным, но в конце концов его эгоизм показал бы свои коготки.

Камешчик Е. Фирсов (г. Ворошиловград) подчеркивает в своем письме: «В основе действий Эдика по отношению к Люсе лежит не настоящая любовь, а озорная самолюбивая захлавленная актвиста. Он, видите ли, обратил внимание на девушку, а она отвергла его, отпачника, старосту группы, спортсмена-первоурядника! Я считаю, что истинное чувство не движается таким мотыльком. Когда любишь, желаешь счастья любимому человеку и не будешь стремиться к тому, чтобы порвать его волос...».

Безусловно, в письмах, осуждающих Эдика, есть очень верные мысли, но, мне кажется, нельзя и его обвинять безорпностью, нельзя чисто рационалистически подходить к таким сложным вопросам, как взаимоотношения людей. Здесь право развалить все пополам — найти каждому поступку и явлению свое место.

Во всяком случае, для меня было одно, поступок Эдика много негеройного, ошибочного, идущего от застарелого традиционного убеждения, что девушка — это не рыцарство, а грязная сделка, в которой они выслаивают свои права владения на Люсю, животное человека, притом любимого, растоптали ее человеческое достоинство, унизили ее».

Из недостатка уважения и эгоизмического себялюбия возникает неволевая к человеку, рождающее впоследствии ревность. Ряд читателей пишет, что любовь-де без ревности невозможна, как невозможно любое кушанье без соли. Да, не надо лицемерить: ревность пока зачастую является неизбежной спутницей любви. Но нельзя не согласиться с учительницей И. Лавровой (г. Сыктывкар), которая пишет: «Де возникать ревность, там уже нет доверия друг к другу, нет уважения. Любовь и ревность взаимно уничтожают одна другую... Надо убедить молодежь, что настоящая любовь рождается не на тащиллощадках и вляжах, а в общей борьбе, труде, на основе длительной и большой любви, которую как минимум надо умирать при первом столкновении различных характеров и взглядов, при малейших житейских неурядицах».

Во многих письмах говорится о значении воспитания чувства молодежи, о дружбе коллектива в вопросах любви и дружбы, о вмешательстве товарищей во взаимоотношения двух людей.



В некоторых из писем читатели обвиняют Анатолия Хорев, сыгравшего якобы неблагоприятную роль в истории Л. Владыкина и Я. Сухотина. Другое подтверждение, что он покаялся еще настоящим другом.

Мне думается, что и здесь нельзя решать одним «да» или «нет». Конечно, Анатолий действовал на безорпных и чистых побуждениях, стремился помочь Эдику. Субъективно он поступил безорпно. Но объективно Хорев выступил в незадуманном амлуду свиданка, стремясь рассорить и разлучить Люсю с Николаем с тем, чтобы подвинуть ее Эдику. Взаичит, по отношению к девушке он выступал как злая сила, приведшая к таким печальным последствиям.

Обвиняют коллектив профессионалов и контора группы Гаск. Военнослужащий Г. Ново-Сорога заявляет в своем письме: «Тем судом осужден не только Николай, но и весь коллектив, смотривший сквозь пальцы на поведение Люси и сложившийся обстановку». К сожалению, ни один человек не знает как бы, по моему мнению, должен был действовать коллектив, какие меры активного вмешательства во взаимоотношения Николая — Люси — Эдика товарищи могли предпринять. Может быть, разорвать этот разговор в самом начале, обязать Люсю повратиться с Николаем и полюбить Эдика, читывая его чистую анекту? Поставить на вид Эдику, что он растерял всю мужскую гордость и оказался в смешном положении? В самом деле, какие средства воздействия следовало применять?

Организовать в десятый раз лекцию «О любви и дружбе»? Не думаю: молодежь это шлобынные лекции уже назвала в зубак. А вот диспут — остроумно тему, скажем, о ревности, о постоянстве, о честности, об уважении к человеку, о ревности и т. д. — такой диспут, в котором разговор весь бы открыт, ничастно и не односторонний, не мешая бы присутствию профсоюзного актива. Это помогло бы и Эдику, и Анатолию Хореву, и Люсе, и многим их товарищам, которые часто сами не могут разобраться в собственных чувствах и переживаниях, понять, что к чему, отличить дружбу от любви, борьбу за взаимность от наглого пристрастия.

Поскольку Люся и Эдик не нарушали наших принципов коммунистической морали, во всяком случае, явно и сознательно, то коллектив и не должен был вмешиваться в безобразия, которых требуют от него некоторые читатели.

В вопросах твоей любви никто не может принять окончательного решения, кроме тебя самого. Люся имеет право высказывать свое мнение, конечно, очень тактично и ненавязчиво.

Относительно Николая Яблокова двух мнений быть не может: человек совершил тяжчайшее преступление и наказан по заслугам. Как бы там ни было, хороним товарищев, отчаянным другом, нежным и страстно влюбленным, пускай даже очень талантливым и сверхбезорпным в прошлом человеке, но если ты осмелился ввязать за него, отстаивая им свои права на любовь, тебе спастись только честностью С той минуты, как ты заискивал чьей-то головой, чтобы убит, удавить «привинника» не в целях самообороны, ты теряешь право на любовь, на уважение, на гордые имя Ч е л о в е к а.

Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но по отношению к хулиганам, бандитам, убийцам, тем, кто посягает на жизнь советских людей, следует и не пытаться ввязать в свои отношения.

Некоторые читатели, осуждая проступок Николая, а то же время обвиняют в случившемся не его одного. «Если бы Эдик и Анатолий Хорев вели себя по-другому, не старались разлучить Люсю и Николая, любили друг друга, Н. Жукова (Новосибирская область), — до него дело могло не дойти».





И мне кажется, что нам все необходимо серьезно задумать на вопрос, откуда и почему в нашем социалистическом обществе появляются хулиганы и преступники. Есть положения: «В семье не без урода». Старая, оправдательная посылка, которой мы иногда, не желая думать и осмыслить явления, оправдываем и, так сказать, «теоретически» обосновываем такие отрицательные факты действительности, как хулиганство, карьеризм, подальство, угодничество, блудство, честолюбие и прочие извращения в душах и сознании ряда советских молодых людей.

Совершенно справедливо клеймя бандитскую войну Яблокова, поразмыслив в то же время, друзья: а нет ли в нашей общей вине в его моральном падении? Я вовсе не призываю вас амнистировать хулигана и убийцу, сюсюкать с ними и играть в дипломатические журмуки. Нет, противу я хочу вам напомнить, что наказывать легче, чем воспитывать, что выжить, прощание, чем предотвратить преступление. А Яблокова — ваш сверстник, он вырос среди советской молодежи, учился в советской школе, работал на ленинградском заводе, в хорошем коллективе. Рядом с ним, блудно к плечу, трудился, учился, жили коммунисты, комсомольцы. Почему же Николай стал хулиганом и убийцей?

Конечно, удобнее всего спалить вина на предшественников и «родимых» родителей — так сказать. Но не слишком ли густо мечены эти «родимки» молодые люди, появившиеся на свет почти два десятилетия после Октябрьской революции?

Я думаю, что следует взглянуть правде в глаза. Несомненно, что в появлении Яблоковых и им подобных виноваты и мы, учителя, и комсомольские организации, и общественность. В своей воспитательной работе мы часто бываем сухи, неинтересны, формальны, без должной заинтересованности относимся к внутреннему миру человека. Ведя широкую массовую работу, руководя десятками и сотнями, мы забываем, что сотня состоит из ста единиц, что коллектив складывается из индивидуальных людей, каждая из которых требует внимания, внимания подхода, а не галочки в графе о выполнении мероприятия.

В заключение мне хочется привести выдержку из умного, страстного письма сестры Павла Михайловича Кошкова (г. Крайней Рос.), в котором обстоятельнейшим образом изложены вызованные раздумью, вызванные вопросами, поднятыми в статье «Суд кончился, а споры идут и сейчас»:

«Аторы выдвигают: требование, чтобы девушка горюила категорически «ниет» сразу. Но как можно такое требовать, когда молодой, неопытный в жизни человек еще не разобрался в своих чувствах к окружающим влюбленным? Что делать, если чувство пока не джукнет ни «да», ни «ниет»? Как быть, когда определение твердого отношения к кому-нибудь требует времени, общения? Нельзя поступать вопреки здравому смыслу. Когда нет чувства, то требуется время, чтобы оно возникло. Некоторое время, чтобы правильно определить, что это — настоящее это самое «да» или «ниет». Это — серьезное дело. И чувствуется, что Ляся — серьезная девушка, которая слов на ветер не бросает. Я представляю, что делал бы Эдик, если бы Ляся как-нибудь сказала, что он ей нравит!»

Но она не кокетка и не легкомысленная вертушка...

У Эдика фашисты замукали мать и отца. Я сам участник Отечественной войны, видел тасачи смерти, сотни мирот не могу не разделить горя юноши, которому много пришлось пережить, прежде чем он попал в лапы. Но в профтехшколе Эдик был очень капитан, и ему многое прощали, делая скидки на прошлое. Это уже плохо выделяло из среды товарищей, атакая экзотеричность от критики постепенно сделали непохожим парня очутившимся злом, себлюбием. С помощью окружающих он внушил себе, что ему все можно, все позволено, даже заставить девушку полюбить его, хотя она любила другого.

Не нравится мне и поведение Анатолия Хорева, который, ничего не зная о Николае как о человеке, в то же время настойчиво добивался разрыва отношений между Яблоковым и Лясей. Настоящий друг сказал бы Эдику: «ты видишь, она любит другого. Я понимаю, тебе тяжело, мне тоже нелегко. Но давай о ней забудь: пусть Ляся сама найдет свое счастье».

...Любовь такова, что ни сиротство, ни добрососедское отношение к катушкам, ни хорошая специальность, ни блестящие перспективы не дают права претендовать на преимущественно: сердцу, действительно, не прикажешь.

Знакомство с сотнями читательских писем дает богатый материал для размышлений и выводов. Мне думается, что воспитание чувства надо начинать еще в семье. Не лекциями и нравоучениями, конечно, а личным примером родителей, которые могут и должны возмужать ребенка от эгоистических наклонностей, из области любви, от обязательского жизненного принципа «бери от жизни все, что можешь, бери хотя крох», но ничего не давай взамен.

Немалую роль здесь должна сыграть и наша школа. Ей пора расстаться с позиций невнимательства — вопрос взаимоотношений молодых людей. Раздельное обучение, по-моему, в значительной мере способствовало развитию и распространению мешанинских взглядов на любовь в среде нашего юношества, появлению в ней эгоизма и ханжества. Все это надо исправлять не кому-нибудь, а именно нам самим. Нужно, чтобы наша молодежь, еще на школьной скамье пропиталась убеждением, что в области интимных взаимоотношений следует беспощадно



вытравлять гнусное правило «Человек человеку — волк», которое мы навесили изгнали из нашего социалистического общества, из области общественных отношений. Пусть человек человеку всегда и везде будет внимательным, благожелательным и строгим другом!

И последнее, не менее важное. Вместе с тысячами читателей мне хочется предложить писателям, деятелям кино, театра и живописи, журналистам и товарищам, организующим лекции и беседы: вопросы любви не полюбине, второстепенные вопросы, с ними связаны острые, болезненные и животрепещущие проблемы молодежи молодого поколения в духе коммунистической нравственности и морали. Значит, и говорить о любви надо правду, во весь голос, без ханжества и лакировки. Вы, товарищи, уже начинаете, и очень неплохо, показывать, что «битый» революцией, посерьезнел. Показывайте, покажите и то, что наша «любовь» пограндизнее онегинской любви!

З. ГЕРАСИМОВА,
заслуженная учительница
Кавказской ССР

ПЛЕМЯ ОТВАЖНЫХ

...Танк старшего сержанта Павла Лапшину вместе с другими боевыми машинами подразделения шел в атаку. Лапшину было дано задание достичь ложбинки наделана с овражних домов села, где засели гитлеровцы, спуститься в нее и затем через определенные промежутки времени выскрывать на луг, давать несколько выстрелов из пушки и снова скрываться в ложбинку.

Так и произошло. Танк неожиданно как бы вырвался из-под земли, в течение нескольких мгновений вел огонь, а затем исчез — отходил в укрытие. Здесь он был совершенно неуязвим.

Уцелевшие боем, экипаж танка на заметки, как остальные машины отошли к лесу. Теперь возвращаться было опасно: вражеские артиллеристы легко могли расстрелять одинокую машину, сосредоточенную на ней весь огонь.

И сержант принял дерзкое решение — идти вперед.

По изине танк незаметно подошел к селу. Затем вырвался на ровное место и по огородам устремился прямо на вражескую батарею. Артиллерийские расчеты, засигнатули вражеское разбегание. Раздавать орудия танк не мог. Что же делать? Лапшину выпрыгнул из машины, подбежал к орудиям, снял затворы и забрал их с собой...

Целый день отважный экипаж вел неравный бой в тылу врага. Большой ущерб нанес он гитлеровцам. К вечеру, когда боеприпасы и горючее были уже на исходе, подоспела поддержка: в село ворвались наши подразделения.

Старшему сержанту Павлу Ивановичу Лапшину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Много подвигов совершили советские танкисты в дни Великой Отечественной войны, бесстрашной славой покрыли они свои знамена: 250 тысяч танкостроителей, 142 бойца и офицерам присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Это те безстрашные воины, которые билли врага под Сталинградом и Курском, под Кшиневом и в Восточной Пруссии. Они штурмовали Берлин. В трудных الظروف условиях, ломая сопротивление японских дивизий, они за несколько дней пересекли всю Манчжурию. И Родина высоко отменила их ратный труд. Родина отменила и труд тех, кто создавал нашей армии прекрасные боевые машины.

Приветственные награды получили более 9 тысяч танкостроителей. Только в течение последних трех лет войны они дали армии более 90 тысяч танков, самоходных артиллерийских установок и бронемашин.

9 сентября — День танкистов. В этот день советский народ чувствует танкистов и танкостроителей за их боевые и трудовые подвиги в Отечественной войне, за их успехи в послевоенном строительстве.

Советский Союз твердо и последовательно борется за укрепление мира. Он предпринимает один шаг за другим в целях дальнейшей разрядки международной напряженности. Одно из таких свидетельств этого — наделение решения о новом большом сокращении вооруженных сил.

Но вместе с тем советские люди бительно следят за процессами империализма, за процессами тех реакционных кругов, которые пытаются обстрельть международную обстановку.

Не страше мирного труда нашего народа стоит Советская Армия, готовая в любой момент выполнить свой долг перед Родиной. Наши воины, и в том числе воины-танкисты, и в деле повышают свое боевое мастерство, свое умение владеть той прекрасной техникой, которой их вооружила страна.

Б. АНДРИАНОВ

В И-85ов танковом подразделении. Занятия окончились, теперь можно и отдохнуть. На снимке (слева направо): командир Владимир Милушкин, Анатолий Асютин (на танке), Александр Белолугов и Евгений Ильченко.

Фото В. Тюмина.





Геодзист комсомолец Андрей Ларионов успешно работает со своим отрядом на монтажной площадке здания ГЭС. Рядом с ним мы видим его помощницу комсомолку Людью Богатырцеву.

Обы... Веками растрачивала апустую свою испоконскую энергию эта великая сибирская река. Издавна люди собирались обуздать ее. Но смелая мечта народа о покорении и использовании могучих сил природы начала осуществляться только в годы Советской власти, в годы пятилеток.

Одна за другой вступают сейчас в строй все новые и новые электростанции. Пришла пора, когда и берега Оби огласились гулом строительных работ. Здесь сооружается Новосибирская ГЭС, мощность которой составит 400 тысяч киловатт.

Гидростроители достигли больших трудовых успехов. Из котлованов, где воздвигается здание гидроэлектростанции и возводится плотина, вынуты около полутора миллиона кубометров мягкого и скельного грунта. Но самая ответственная работа впереди.

Впервые в истории отечественной гидротехники предстоит перекрыть реку зимой. К этому важному этапу в жизни стройки уже сейчас, в горячие дни «большого бетона», усиленно готовятся весь многотысячный коллектив.

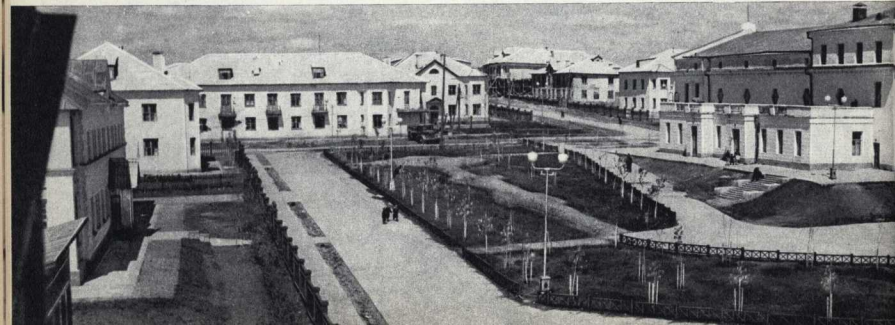
Среди передовых людей стройки много юношей и девушек, приехавших сюда по комсомольским путевкам. Они работают бетонщиками, каменщиками, плотниками, экскаваторщиками, сварщиками, арматурщиками, слесарями, водителями автомашин. Молодежь настойчиво борется за лучшее выполнение производственных заданий, соревнуясь с коллективами строящихся Иркутской и Павловской-на-Уфе гидроэлектростанций.

На фотоснимках наш корреспондент запечатлел трудовые будни молодых строителей.

Новосибирская ГЭС

Фото А. Скуржинина.

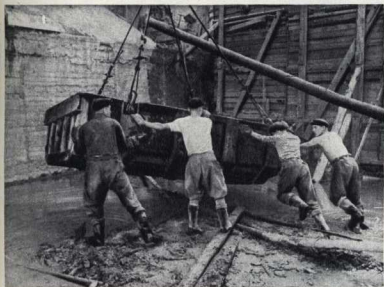
Так выглядит городок строителей Новосибирской ГЭС, раскинувшийся на высоком берегу Оби.





Практикант, студент 5-го курса Московского энергетического института, Геннадий Бобков получает задание от бригадира опалубщиков Александра Степановича Большанова.

Здесь, в котловане воздвигаемой плотины, в эти горячие дни «большого бетона» с энтузиазмом трудятся комсомольцы Новосибирска.



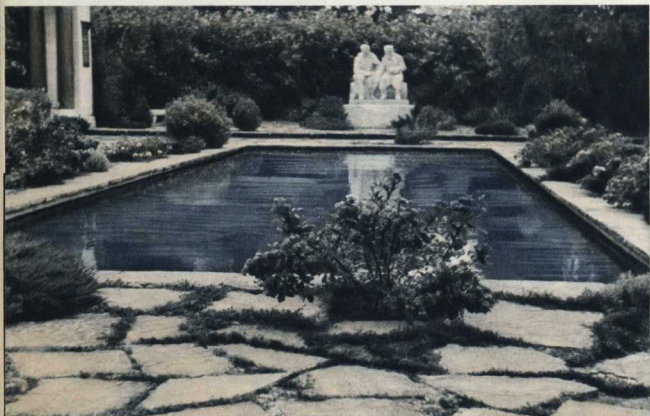
Михаил Зырянов приехал на стройку Новосибирской ГЭС вскоре после того, как получил аттестат зрелости. Сейчас он работает в молодежной бригаде арматурщиков.

Комсомолки Эльвира Птицына, Нелла Бобрышова и Валентина Журавнова пришли на строительство ГЭС вместе с многими другими работницами новосибирских предприятий.





Фото
М. Бугаевой.



На снимках:
слева — вверху — советские туристы у плотины Большого гидроузла, который сооружается близ Софии;
вверху — в детском саду трудового сельскохозяйственного кооператива имени В. И. Ленина (Плодковский район);
слева — в парке неподалеку от города Плевны. Этот парк создан в память советских и болгарских воинов, погибших за освобождение Болгарии от фашистской тирании.

БОЛГАРСКАЯ НОВЬ

Сентябрь на болгарской земле — это месяц национальных торжеств, месяц знаменательных революционных дат. Загляните в календарь: «9 сентября 1944 года — свержение фашистской диктатуры в Болгарии. Национальный праздник болгарского народа — День свободы»; «15 сентября 1946 г. — провозглашение Болгарии народной республикой»; «23 сентября 1923 г. — восстание рабочих и крестьян в Болгарии против австро-фашистской диктатуры».

История этого мужественного народа полна ярких событий великой борьбы за независимость, за светлое будущее. Сражались со своими врагами и поработителями, он никогда не был одиноким. Он постоянно чувствовал помощь и поддержку русских людей. Давние и крепкие корни имеет дружба народов Болгарии и нашей страны. Эта дружба прошла много испытаний. Она окрепла и закалилась в совместной борьбе против фашистской тирании. Она расцвела в послевоенные годы, когда люди новой Болгарии приступили к строительству социализма. Те советские воины, которые двенадцать лет назад принесли этой стране свободу, теперь, возвратившись к мирному труду, помогают ей строить заводы, воздвигать плотины и выращивать богатые урожаи.

Детичем болгаро-советской дружбы называют химический комбинат в Димитровграде. Советские специалисты участвовали в его проектировании, помогали возводить корпусы, обучали болгарских рабочих, контролировали оборудование, полученное из СССР. Это предприятие построено за очень короткий срок, оснащено новейшей техникой. Кроме Димитровградского комбината, введены в строй заводы, производящие азотные удобрения, кальцинированную соду, целлюлозу, кербыд, серную и азотную кислоты. А ведь совсем недавно в международных статистических справочниках в отделе тяжелой химической промышленности против слова «Болгария» стояла пустая графа...

В стране, которая прежде импортировала даже серп и косы, создаются новые отрасли промышленности.

Раскаывают, лет двадцать назад жила в Софии инженер, мечтавший построить печь для плавки чугуна. Он много работал над тем, чтобы осуществить свою мечту. Но когда клалась пепел, буржуазная власть наложила руку на «фантастическую идею». Правители страны, связанным с иностранным капиталом, печь для плавки чугуна даже скромных размеров казалась невероятной тьмой трагизмом. Эту историю часто вспоминают на металлургическом заводе имени Ленина, где сейчас строится первая болгарская домна. Проекты ее и большая часть оборудования доставлены из СССР. На стройке трудятся сотни юной и девушки, чьими подвигами гордится весь народ. Они олицетворяют новую Болгарию. Они олицетворяют молодость своей страны.

Новь посоду вида — и в городе и в деревне. В 1944 году в стране насчитывалось свыше миллиона примитивных деревянных сох и всего лишь несколько тракторов... Сейчас в Болгарии организовано сто шестидесять семей машинно-тракторных станций, в распоряжении которых более пятнадцати тысяч тракторов (в том числе на пятнадцатисильных). Какой огромный скачок вперед! Какие позитивные скоростные темпы перестройки народного хозяйства!

Для того, чтобы успешно развивать экономику и культуру, нужно много специалистов, нужны люди, вооруженные знаниями. Их готовят школы и институты. За последние десять лет в Болгарии построено около тысячи школ. Открыты новые высшие учебные заведения, больницы и клиники.

На фотоснимке, помещенном на соседней странице, мы видим группу болгарских ребят. Радостно искрится их лица. Эти дети родились в стране, озаренной светом социализма. Их предки в терпении и лишениях, чуждым перенесли их отцы и деды. Будущее принадлежит им!



Слав КАРАСЛАВОВ

ШЕСТЕРО ЗА ОДНОГО

Рассказ

Слав Караславов — молодой болгарский писатель, офицер болгарской Народной армии. Его рассказы: «Бесить», «Лить с плотинной секунды», «Случай в воздухе», «Георгис», «Слеза» — популярны среди молодежи. Сейчас Слав Караславов работает над повестью на оборонную тему.

Рассказ «Шестеро за одного» был удостоен премии на Всемирной фестивале молодежи и студентов в Варшаве.

ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ»

9 сентября 1944 года, когда наш народ с помощью Советской Армии сумел свергнуть антинародное правление и утвердить свою власть, над Болгарией зажглась зarya новой жизни.

Сейчас рабочие и крестьяне нашей страны заняты мирным строительством. А в Народной армии растут и воспитываются смелые и выдержанные воины. Воспитаны и подвигами, которые совершаются людьми нового поколения, воспитанными в духе слободной любви к человеку.

О них, о моих боевых друзьях-летчиках Народной Болгарии, и написан этот рассказ.

Слав Караславов

Т о, что я хочу рассказать тебе, случилось не так давно. Служил я на отдаленном аэродроме малоизвестном аэродроме, при котором находился батальон парашютистов. Они выполняли свои задачи: пропадали целыми днями в поле, в горах, — и я видел их только в столовой во время обеда или ужина, утомленная, покрытая пылью, обрызганная грязью. Ничего на них я близко не знал, но одного запомнил хорошо.

Я и то время чисился вторым пилотом и только еще учился мастерству десантных полетов. А моим учителем был Борис Апостолов — человек на вид слабый, неукрепленный, но мастер своего дела. Парашютисты не могли нахвалиться им: скорость Борис давал хорошую, машину вел плавно, без болтанки и провалов, и наклонял ее так, что струя воздуха не мешала десантикам во время прыжка.

Однажды мы получили приказ сбросить парашютисты десант. Еще за день до срока полетовали машину и в назначенное время нача-

ли полеты. Доставим одну партию, вернемся на аэродром, а там уже другие ждут.

Все шло как по плану. Десантикам оставалось выполнить лишь ночные боевые прыжки — самые трудные. Они трудны не только для парашютистов, но и для нас, летчиков. Вечером к нам пришел командир батальона парашютистов.

— Десант вы сбросите вот на этом поле, уточнили маршрут и ушли спать. Мне как раз спилось что-то хорошее, когда Апостолов разбудил меня. Он часто страдал бессонницей. Вот и теперь, в середине ночи, спать не спал и подыматься не подымался.

Сам я охотник. Не раз бродил по лесам, дедам и горам, вставал рано и хорошо знаю, что, когда ты проснулся, а товарищ рядом спит, сразу скучно становится. Тогда тебе даже парадокса не по душе. Проснувшись, я почувствовал, что именно такое состояние переживал мой Борис, и поэтому сразу же встал. Мы оба вышли на улицу. Была еще ночь. Какие ночи у нас на аэродроме! Небо темное, как черная сатин. Звезды крупные, чуть мерцают, перемениваясь друг с другом. Крутом ли шумя, ли звуча. А когда прислушаешься, услышишь: где-то тикет само прерывающую песню ветерок.

Сначала осторожно, словно пробуя силы, потом тише и увереннее и, наконец, увлекшись, поет, поет и снова замолкает... Опять тихо. А вот

ПРИВЕТ СОВЕТСКИМ ДРУЗЬЯМ!

Автор публикованного письма Надя Шарнова — солистка Софийского оперного театра. После удачного дебюта на сцене ГАБТ СССР молодая певица соведуща с группой болгарских артистов турпоездкой Советского Союза. С большим успехом прошли ее выступления в Сартане, Момбаче, Ташане и в других городах нашей страны.

Надя Шарнова участвовала во Всесоюзном фестивале молодежи и студентов в Ленинграде, где за высокое исполнительское мастерство ей была присуждена первая премия — золотая медаль. А год спустя Надя Шарнова получила звание лауреата премии имени Эммы Дестининой и Надемы Вуцич.

Около десяти месяцев гостила Надя группа молодых болгарских артистов в Советском Союзе. Нам выпала честь в течение целого сезона работать совместно с дирижерами, режиссерами и артистами Государственного академического театра СССР черпать знания из богатой сокровищницы русской культуры. Несмотря на то, что наша группа была довольно-таки многочисленной, всех нас приняли на стажировку в самый лучший и самый лучший оперный театр страны. Мне хочется сказать несколько

слов о гостеприимстве наших русских друзей. С первого дня советские коллеги окружили нас заботой и вниманием. Это чувствовалось во всем, и прежде всего в искренности желаний как можно лучше представить нас московской публике. Каждый старался передать нам «секреты» своего родного мастерства, и делалось это с большой любовью, от души. Прежде всего хочу выказать особую благодарность народной артистке РСФСР Елене Дмитриевне Кругиной, которая непосредственно помогла мне тонуть в дебюту на сцене Большого театра.

Чтобы сделать наше пребывание в театре наиболее плодотворным в смысле повышения исполнительского мастерства, по предложению народного артиста Советского Союза А. Ш. Мелик-Пашаева специально для нас возобновили постановку оперы «Аида», которой в этом сезоне не шла на сцене ГАБТ СССР. Ведущие роли были поручены нам, молодым болгарским артистам: Георгию Рударову — партия Рамлеса, Виргинию Поповой — Амнерис, мне — Аида.

Трудно выразить словами, как мы волновались в те дни: ведь

нам предстояло петь со сцены, на которой выступали всемирно известные артисты... Спектакль превзошел все наши ожидания. Московский театр принял наше выступление на сцене Большого театра. Советская и болгарская печать давала положительную оценку этому спектаклю.

Успех воодушевил нас. После «Аиды» не менее удачно прошли и другие оперы с участием Минко Минева в «Травиате», Кати Поповой в «Фаусте», Николая Здравокова в «Риголетто», Радки Гачево и Любомира Болдурова в «Кармен», Николая Габуца в «Пиковой даме».

Большую роль достала мне роль Лизы в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама». Времени моей гастрольной поездки в город Момбач я впервые исполнила там эту партию не на болгарском, а на русском языке... После окончания гастрольного театра, концертов с участием известных советских и зарубежных артистов обогатило нашу музыкальную и общую культуру. Пользуясь случаем, хочу выразить ведь молодым читателям журнала «Смена» и в их лице всех советских друзей.

Желаю им еще лучших трудовых и творческих успехов.

Н. ШАРНОВА

(Перевод с болгарского).

Солистка Софийского оперного театра Надя Шарнова.

где-то вдруг квакнет лягушка или раздастся шепсел крыльев рабужбеной птицы...

И эта noch тоже была такой. Тишина. Только доносился мягкий плеск бензиновых капель, падавших из заправленного мотора. Техники возмущались около самолетов, а там, у ангара, в местах для курения горели два — три блуждающих паянпирских огонька.

Мы умались ключевой водой, оделись в полную боевую летную форму, позавтракали и, загнав сигаретку, вошли по траве к стоянке самолета. Нас догнали молоток, борт-механик Мирчев и радист старшина Владов.

Пока то да се, началось светать. Вот в половине четвертого слышим: играют тревогу в помещении парашютистов.

И сам был курянтном, знаком с такими тревогами. Мы, бывало, тоже бросались по сигналу к оружию, искали в темноте одежду, были захвачены массой хлопот, шумели, понимая, что все это зышь учение. Но такой тревоги, как эта, и никогда прежде не видел: во всех окладах, темноте, нигде не слышно ни единого шороха, будто внутри помещения все ходят в мягких домашних туфлях. Только звук трубы тревожно напоминает: «Спешилет! Спешилет! Семь минут!»... За это время нужно встать, одеться, выполнить задачу и тронуться к месту посадки!

Все произошло быстро. Появились колонна десантников. Вед ее юноша, которому не было еще и двадцати лет. «Взвод младшего лейтенанта Костова прибыл для выполнения боевой задачи!» — отпороговала он.

Мы спустились лестница; у Бориса седали на свои места, сразу же заработали моторы, и мы поднялись в воздух.

Много раз в жизни мне приходилось летать на упрямой заре, но никогда я не чувствовал себя так badly, как это раньше утро. Борис поглядывал на карту, губы его шевелились. Я прислушивался. Поет! И мне стало весело и легко, будто мы отправлялись не в боевой полет, а на веселую прогулку.

Время — четыре часа десять минут; место высадки приближалось. Наступила моя очередь. Теперь я должен был пилотировать сам, а Апостол — только контролировать правильность моих действий. Я дал команду: «Сигнал!» — и пошел на снижение.

Выправила машину, я почувствовал, как Апостолов второй рукой управления наклонил ее немного влево, следя за почти незаметно. Теперь можно было сбавлять газ. Скорость

ушла до ста километров. Сто километров при полном газе! Мне стало страшно, а Апостолов уже включил ширину.

— Прогаты!

Вдруг я почувствовал, как самолет вздрогнул. Стенка парашютера! Подумал: авария. Значит, высадка началась: в тот момент, когда кто-либо из парашютеров покидает самолет, стрелка резко отклоняется. Когда по моему расчету выбросился последний парашютик, я подавал вперед ручку регулятора скорости, чтобы набрать высоту. Но ничего не получилось. Самолет не слушался, что-то тащило его назад. Вот, черт возьми!

Не успел я еще сказать что-либо Борису, как в кабину к нам прохрустали голыши старшего десантника по спуску, который должен был замедляющим. Пересохшие губы его дрожали, а озмущенное лицо было бледным.

— Там эдак!.. младший лейтенант висит!

Хрипло сказал он.

Я сначала не понял:

— Как так висит? Где висит?

— Зацепился за хвост...

Сердце мое дрогнуло. На лицо выступил холодный пот. Я взглянул на Бориса.

Или посмотрю, что там такое! — сухо приказал мне Апостолов. — Я сам сажусь за штурвал.

Проклянувший мимо Мирчева и старшего десантника, я вошел в багачную кабину, где во время полета я полетов не делал. Борис, при высадке десантов — парашютистов. Сейчас десантники здесь не было. Все они спустились на землю. У локтя, рядом с дверцей самолета, стоял парашютный техник. Дрожанием руки мы отпустили один за другим автоматические парашютные тросы, алхордончно сматывал их и бросал около себя.

Когда я приблизился к нему, в его руках оставался трес командира взвода десантников — того самого юноши, который raportовал нам на аэродроме. Я попробовал вынуть голыню в дерзку самолета. В лицо мне больно ударила сильная воздушная струя, но я успел заметить, что трес, плотно прижатый к корпусу самолета, начал обрывать и передевал узлом купюлы самолета. В нескольких метрах за стабиллизатором, опоясанный ремнями боевого снаряжения, в сильной воздушной струе вертелся

1 Варпометр — прибор, позволяющий измерять высоту и спуска самолета.

лейтенант. Я с силой рванул трес на себя, попытался подтянуть его, но он не поддавался...

Мы собрались перед пилотской кабиной. Я кратко доложил Борису, в чем дело. Все замолчали. Шум моторов показался мне в этот момент особенно более громким, чем обычно. Пахло бензином, и мне вдруг представилось, что мы находимся в каком-то складе с легко возмущающимися горючим, что крутом нас разбросаны сыпучие, которые в любую минуту могут высыпаться... Из голубым воздухом оклеивало иррадо восхитительное: его лучи являлись в боковые очертания самолета.

Я подошел к локю и загнул язык. Далеко под нами, где приземлился взвод десантников, стояла группа людей. Боевое учение было прекращено. Я различил крошечные застывшие фигурки, и ярко представил себе, как там, на земле, люди следят за нами.

— Мы можем лететь еще целых четыре часа! — сказал Апостолов.

Голос его похрипелывал был твердым, но мне показалось, что и он дрогнул. Наш радист давно оставал собою радостничать, и теперь мы — четверо из нашего экипажа и двое парашютистов — все шесть человек дурачили о нем — о том, что он не вылетит.

Парашютный техник заговорил перьями, он начал тихо, неуверенно:

— Приземлился? Борис пожал плечами и повел машину на взрывот.

— Быстро, — сказал я. Сказал и сам испугался своих слов.

— Если случится так, то мы и сами можем погибнуть, ведь на хвост самолета груз, — доложил Апостолов.

Общаясь тихо: — Кто это сказал, я не помню. Но такая мысль, высказанная вслух медулька и у меня.

Тогда вмешался старший десантник.

— Это боевой прикол. Лейтенант не имеет никакого отношения. Да, если бы и имел... Ведь он, наверное, ошеломлен и потерял сознание...

Все замешали, заполовались, и решение пришло сразу, твердое решение: нет!

Нас это немужество. Да и кто согласился бы пережить трес? Кто из нас мог бы по слезе своего товарища на гибель? Ведь ты сам летчик и хорошо знаешь, что значит боевая дружба.

— Его нужно вытащить обратно в самолет! Обязательно вытащить! — сказал Апостолов.

— Это трудно! Сможем ли? — выразил сомнение радист.

Я не могу тебе описать Бориса в этот момент. Лишь его стало красивым, налилось кровью... Он так посмотрел на радиста, что даже мне стало страшно.

— А ты, если хочешь, прыгай! И без тебя управимся! — Обращаясь к нам, Борис добавил: — Идите, боритесь за дело!

Мне хотелось прижать сейчас к груди этого слабого на вид, молчаливого человека, замечательного товарища, сказать ему трогательное слово восхищения. Но ничего этого я не сделал, а только кратко, по-военному, ответил:

— Слушаюсь!

Самолет стал набирать высоту, земля уходила все ниже и ниже.

Я хватаясь за парашютный трос, впереди меня за него тоже держался радист. Рядом с нашими руками сплелись руки обитых парашютистов. Борис уменьшил обороты и повел машину на снижение. Вихрь воздуха зашумела оглушительно, парашютный трос слегка ослаб, правда, совсем незначительно, а затем вдруг содрогнулся и поддался.

Тянул ли ты когда-нибудь шкворный парашютный трос? Не тянул? Поэтому ты вряд ли можешь понять все это... Он очень скользкий, его с трудом можно удержать в руках. Но мы тянули его... Руки у нас закончились, стали почти синими. В ушах стояла страшная боль... Когда мы находились в шестистах метрах от земли, Мирчев затолкался и поднесла металлическую стойку под трос, закрывая ее на середине дверцы самолета. Борис снова стал набирать высоту, а мы сами прямо на пол отдавать руки. Руки горели, буди только что я держал ими горячее железо, из ладоней сочилась кровь. Но когда самолет достиг высоты двух тысяч метров, мы снова начали тянуть трос на себя...

Вы спрашиваете, сколько продолжалось все это? Я точно и сам не помню... За временем я тогда не следил. Мне казалось, что прошло много мучительно долгих часов, а между тем в наших руках оказалась шкворный кундл парашюта. Наконец, мы подтянули и парашютиста... Пленки лейтенанта уперлись в нижнюю часть дверцы, сильная струя воздуха тыщила его вниз, под самолет... Мы закрыли последний шкворный трос за крыльями в стинке кабины. И все-таки наши попытки втащить обесцвелевшего парашютиста внутрь самолета были безуспешны. Если бы он пришел в сознание! Кто-то предлагал идти на посадку. Но это значило поломать ноги, искалечить товарища...

Тогда мы решили прирвать его в чувство, Привязавшись, я лег у открытой дверцы самолета и вынул его почти по носу. В ушах раздались огушительный свист, сильная воздушная волна осветила меня. Я начал кожаный ремень младшего лейтенанта, схватил парашютиста за руку и потянул ее к себе. Мне нужно было прирвать ему боль, чтобы он очнулся. Я резко дернул руку вперед, ладонь прирвала ее к ребру дверцы и сильно надавил руками и грудью... Лейтенант вздрогнул. В этот момент я увидел его лицо. Оно было бледным, глаза закрыты.

Через несколько секунд младший лейтенант, все еще не пришедший в себя, следовал за собой стоял посреди кабины, инстинктивно держась рукой за стальную проволоку, протянутую вдоль нее; в ногах у него валялся запущанный колесный парашюта.

А мы один за другим опустились на пол. И когда радист Владов вытер свое лицо ладонью, на нем остались три бледнокрасных полоски: руки его, как и наши, были изорваны в кровь...

Через четверть часа Борис Апостолов вместе с радистом покинул самолет.

И вот младший лейтенант-парашютист, командир взвода, человек, имени которого я так и не узнал, запомнил мне на всю жизнь. Запомнилось его ошущение лицо с опущенными ресницами, лицо человека, притившего с надеждой на спасение... Этот случай, происшедший с ним, всегда будет напоминать мне о настоящей, великой дружбе между людьми, о замечательном товариществе.

Сокращенный перевод с болгарского
В. ФЕДОРОВА



Рисунок Л. Хайдова.

ЗАСТАВА ИМЕНИ КОМСОМОЛЬЦА АЛЕКСАНДРА ЗАВИДОВА

Летом 1944 года, когда советская земля была полностью очищена от фашистских захватчиков, на охрану родных рубежей снова стали пограничники. Тогда-то и пришел на границу, расположенную близ Бреста, Александр Завидов. Выросший в детстве, он с малых лет привык к коллективу и всюду естественно и просто вошел в небольшую семью воинов, несших службу на заставе.

У Завидова появились новые товарищи. Особенно близко сошелся он с Николаем Гаврилко. Они вместе ходили в ескретарь, стояли в дозорах, а в свободное от службы время делились своим сокровенным мечтами и желаниями. После демобилизации боевые друзья собирались стать комбайнерами.

— Границы! Здесь такие же поля, как и повсюду, такие же леса, такое же небо. Но спокойный, молчаливый лес может вдруг заговорить гуликом выстрелами вражеских автоматов, а голубиный небз вдруг перекрестит самолет без опознавательных знаков. Поэтому бойцы научились по-особому понимать тишину, разбираться в следах, оставленных неизвестным прохожим в поле или на лесной тропинке.

Однажды в морозный январский день Завидов с утра чувствовал недомогание, и врач приказал ему оставаться в постели. Вдруг до заставы дошла весть, что к границе приближались банды диверсантов. Бойцы собрались по боевой тревоге, выстроились во дворе заставы. Завидов обратился к врачу с просьбой разрешить ему отправиться на границу. Тот помялся с ответом, но, увидев в глазах комсомольца настойчивую просьбу, махнул рукой: «Идите!»

Завидов залез за деревом, замаскировался и замер, всматриваясь в сумеречный заснеженный лес. Рядом, тревожно настроенные уши, глухо рычал Джек. Ждать пришлось недолго: вскоре пограничники услышали легкое поскрипывание снега и заметили диверсантов. Он подпустил их поближе и открыл огонь. Нарушители залегли, стали отстреливаться. В первые же минуты перестрелки был убит Джек. Александр получил несколько ранений, но продолжал вести бой. Услышав выстрелы, товарищи поспешили на помощь, однако пришли они слишком поздно. Завидов погиб в неравной схватке, но не пропустив врагов. Ныне застава, где служил Александр Завидов, носит его имя. У входа в казарму — мемориальная доска, на которой золотыми

буками написано: «Застава имени героя-пограничника комсомольца Александра Завидова, погибшего в бою с фашистскими бандитами 23 января 1945 года при защите государственной границы СССР».

Недавно на заставу приехал Николай Гаврилко, товарищ Александра по службе на границе. Он работает сейчас на машино-тракторной станции и считается одним из лучших комбайнеров Украины.

— Мы мечтали с Александром Завидовым вместе трудиться на колхозных полях, — говорит Николай Гаврилко. — Теперь на своем агрегате я стараюсь выполнить норму не только за себя, но и за моего погибшего друга.

Каждое лето к месту гибели героя-комсомольца приездают пионеры Домбровского района, Брестской области. Здесь устраиваются пионерские сборы, на которых всегда желанными гостями бывают пограничники заставы имени комсомольца Александра Завидова.

Е. САДОВСКИЙ

Брестская область.



Памятник на могиле комсомольца-героя Александра Завидова.

УМЕЛЫЕ РУКИ

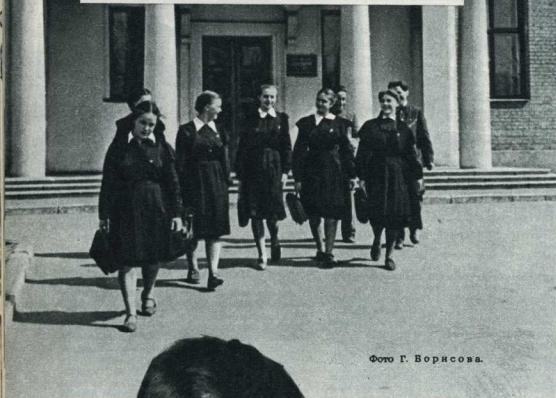


Фото Г. Ворисова.



С увлечением работает на токарном станке Саша Прохоров.

Просторная, светлая комната. Ряды инструментов, обитых железом столов с привинченными к ним тисками. Над заготовками с напильниками в руках склонились ученики. На них черные фартуки. Мальчики и девочки выполняют очередное задание «дирекции пионерского завода», который организован по инициативе совета дружины 144-й московской школы.

Урчит, вгрызаясь в металл, сверло, брызжут искры из-под точильного камня, дробно стучит по наковальне молоток. Умело, как заправские слесари, действуют ребята. Эльвира Никишина из 6-го класса «Би, «начальник отдела технического контроля завода», говорит, что жаловаться на качество продукции не приходится: ребята работают на совесть.

Рядом гудит токарный станок. Пятиклассник Валерий Плетнев заканчивает обточку конуса — срочный заказ физического кабинета.

В столярной мастерской «завода» пахнет свежей стружкой. Здесь долбят, пилят, строгуют. На одном из верстаков лежат дощечки с колышками. Это бирки для пришкольного участка. Тут же делаются новенькие горючки для школьной спортплощадки. «Пионерский завод» получает самые разнообразные зака-



«Начальник ОТК пионерского завода» Эльвира Никишина (справа) действует по принципу семь раз проверь, а потом скажи: «Продукция принята». Придирчиво осматривает она совсем, сделанный Ольгой Дьяконовой.

зы. Здесь изготавливаются щетки-леднички для взращивания семян, полочки для книг, шкатулки, угольники, крепления. На «пионерском заводе» ремонтируют также школьный инвентарь: парты, табуретки, стулья.

Самые удивительные вещи можно увидеть в физическом кабинете. Вот радиоприемник, смонтированный в стаканчике для бритвы. А вот модель самолета с реактивным двигателем. Умелыми руками школьников сделаны клещевой осциллограф — прибор для изучения токов, небольшая динамомашинка, модель двигателя внутреннего сгорания и десятки других пособий.

На географической площадке восьмиклассницы Регина Паруцкая и Люба Цыбина записывают в журнал метеорологические наблюдения показаний приборов.



«Директор пионерского завода» Мари Балезин каждую свободную минуту использует, чтобы поработать на токарном станке. Слева направо: Мари Балезин, Борис Шахов и заместитель директора завода Иван Сувабданов.

Учащиеся любят свой «пионерский завод». Каждый стремится проявить смекалку, изобретательность, создать что-нибудь новое, интересное. Больше всего школьников радует и привлекает то, что в мастерской они не только получают производственные навыки, но и создают полезные, нужные вещи. Как ликова-ли ребята, когда их шеф, завод «Изолятор», обратился к ним с просьбой изготовить несколько контактов для групповых щитков Правда, заказ был небольшой — всего тридцать деталей. Но школьники чувствовали, какое огромное доверие оказано им. Юные умельцы, готовя щитки, старались не уронить марки своего «предприятия».

...Работа на «пионерском заводе», где уроки труда превращены в интересное, увлекательное дело, помогает юношам и девушкам яснее определить свои склонности и стремления, выбрать профессию, наметить верный путь в жизни.

В. АНДРЕЕВ



В столярной мастерской во время работы.

Юра Милонов показывает товарищам изготовленный им катодный осциллограф.



Как бы не ударить по пальцу...



ПИСЬМО ИЗ СТАМБУЛА

Милый,
это письмо
пишу тебе лежа:
очень устала.
В зеркале лицо свое увидела
зеленого цвета,
на меня не похожее.
Дни холодные.
Ничего не будет лета.
Дров в неделю уходит на тридцать лир.
Трудно концы с концами свести.
Вчера, когда в коридоре воизапа,
на плечи накинула одеяло:
стекла разбиты,
раны давно открылись,
двери не запираются,
в стенах цели.
Дальше здесь жить невозможно.
Того и гляди,
рухнут на нас потолки.
Нужно искать другую квартиру,
а цены на комнаты
так высоки!..
Зачем я пишу тебе это?
Ты расстроишься...
Но кому расскажу я о горе своем?
Милый, ты уж меня извини.

Уж скорее бы стало тепло!
Надоело мне мерзнуть.
Часто во сне
Африка снится мне.
Однажды в Алжире была.
Было жарко.
Пуля в лоб мой вошла,
кровь долго текла,
красная,
яркая...
Но я почему-то не умерла.
Что-то со мною стало:
мне кажется, я уже старая,
а ведь мне еще нет сорока.

Мне кажется, я уже старая,
но стоит сказать мне об этом вслух,
на меня все сердится
и читают нотации.
Но довольно об этом.
Я читала, что «Португалью» Чекова
сняли в кино,
говорят, этот фильм
не так давно
шел в Париже с успехом.
Кто во всем виноват?
Эта ветренца?
Доктор славный.
Я люблю его очень. Но все же какой он
осел!
В результате
кто ж самый несчастный?
И кто виноват во всем?

Нынче по радио передавали
парагвайские песни.
Так и кажется,
будто бы их написали
на колотчем листочке
любовью,
солнцем,
человеческим потом.

Они горькие, но полны надежды.
Как я люблю парагвайские песни!

Получила письмо я от Адвие.
Говорит, скучает по мне.
Говорит, не может меня забыть.
Странно.
Вот уже сколько лет
с тех пор,
как уехал ты,
с того дня
она не ступила на мой порог,
как будто в жизни не знала меня.
И даже однажды,
когда мы встретились
праздничным утром
на улице,
отвернулась,
будто меня не заметила.

А когда-то мы были подружками.
Дружба, милья, похожа на дерево —
если засохло,
уж больше зеленым не будет.
Не ответила ей на письмо.
Для чего?
Если даже меня навестит,
я не знаю, о чем буду с ней говорить.
Но вражды к ней не чувствую.
Пусть она будет счастливой.
Говорили, она за богатого вышла,
только он, говорили, больной человек
и маньяк.
А ведь в ней, в Адвие, столько жизни!

Пошла, посмотрела на нашего сына:
спит, весь розовый,
потный,
похрапывает,
одеяло сползло — накрыла...
Печальную весть объявили по радио:
умерла Ирен Жюлио-Кюри.
Молодая еще.
Помню, в детстве читала я книгу одну
о Марии Кюри,
ее матери.
Помню, пишется там о двух девочках —
эти строки стоят пред глазами —
«белокурые, точно античные статуи», —
так там о них говорится.
А теперь вот одной из девочек нет.
Как тебе объяснить?



ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ»

Молодость — это, по-моему, не есть понятие физиологическое. Мне 54 года, и я человек большой. Но я чувствую себя молодым.

Я молод так же, как и вы — читатели «Смены». Я стараюсь понять и думаю, что понимаю все вопросы вашего поколения, и стараюсь принимать активное участие в разрешении этих вопросов. Это одна сторона молодости.

Но есть и другая сторона. Я понимаю и стараюсь понять вопросы прошлого поколения. Я думаю, что человек, пока живет, может быть вечю молодым, связывая волею разных поколений.

Товарищи, эти стихи, откровенно говоря, написал не я. Я получил такое письмо из дому, о работе его технически, и получилось стихотворение, которое вы будете читать. От себя я в это стихотворение, кроме некоторых поэтических приемов, ничего не добавлял.

Назым ХИКМЕТ

И большой человек и ученый большой,
но не только —
еще умерла вместе с тем
белокурой девочкой...
Эта смерть сторичила меня.
И полплакала я
по Ирен Кюри
нигде вечером.
Разве не странно?
Если б так ей сказали:
«Ирен, Ирен!
Когда ты умрешь, —
если б так ей сказали, —
по тебе будет плакать
турчанка одна
из Стамбула,
к тому же тебе незнакомая», —
если б сказали, —
наверно бы, так удивилась!

Я подумаю:
может быть, мужу ее
написать,
посочувствовать горю его?
Но куда напишу?
Знаю, город Париж.
Может, так написать: «Жоано-Кюрия».
Интересно, дошло бы?
И еще у них умер писатель один,
и в газете прочла.
Ты, наверно, о нем никогда не слышал.
Был он старый.
К тому же большой игрок.
Надо всем издавался,
Только не любил.
Только кошек любил да собак,
да и то лишь своих.
Незадолго до смерти он дал интервью:
говорит о смерти с презрением,
но, видно, боится ужасно.
И прервет начепастан.
Какой из себя?
Преврати нашу бабушку в старика
да на голову шапочку дай,
вот и он —
одинюп до ушак,
высокий, желтый старик.
И его стало жаль.
Может быть, оттого,
что на бабушку нашу похож?
А скорее всего

оттого, что он так одинок.
Жаль. Но все же не так, как Ирен.
Ведь, жалел ее, ты жалелш
и мужа ее,
и детей —
целый мир,
потому что ушел из него
такой человек.
У меня для тебя есть приятная новость:
твой денный сын
стал учиться читать.
И неплохо, разбейкин, читает:
«Дом, дай, дяди, вода, ветер, дерево,
волк», —
правда, одороно?
Каждую букву
с чем-то должен сравнить:
буква А — это домик,
В — толстый живот,
Т — топот...
Но боюсь, что летям растает.
Все хочу для него и придумать работу.
Будь бы девочка, было бы легче куда.
Знаешь, женщины — те в любом возрасте
как-нибудь могут делать.
Но что может маленький мальчик?

Уж скорее бы лето пришло!
Придет.
Чуть-чуть и расписалась. Пора кончать-то.
Сяди за собой.
Поскорей отвечай.
Не забывай меня,
поскорей отвечай.
И не надо себя утешать, —
мол, мол, Мюниенер
терпеливая,
умница,
как-нибудь прожинет
и так далее...

Нет.
Ты и знай,
без тебя я — развалина.
Не забывай меня.
Следи за собой.
Целую глаза твои, милый.
Спокойной ночи.
Сяди за собой.
Поскорей отвечай.
Можь жалобы прочитай и забудь.
Только меня не забывай.
Июнь, 1956 г.

Перевела
М. ПАВЛОВА.



ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

Я-И-17.

Рис. А. ЛУРЬЕ

ПОВЕСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ КАПИТАНА ДЕМЕТЬЕВА

1

Шла к концу последняя военная зима. Это было время, когда Советская Армия уже вела бои на дальних подступах к Берлину. В результате успешного маневра наших войск большая вражеская группировка, опиравшаяся на портовый район М, оказалась окруженной. Кое-кто говорил считал, что ликвидация фашистских войск, находившихся в «мешке», произойдет быстро. Но дело сложилось иначе. Вопле бесспособные, хорошо вооруженные титлеровские дивизии, не сумевшие преодолеть оружием, теперь проявляли большую стойкость. И все же смешок постепенно стигался, положение вражеского гарнизона становилось все хуже и хуже.

Мартовской ночью солдаты разведотряда капитана Деметьева, совершив ночной рейд, захватили титлеровского офицера. Он оказался штабным капитаном с красивой фамилией Эдельшейм. Первый допрос пленного производил Деметьев, и его поразило, как спокойно немец отнесся к своему пленению. Держался он свободно, охотно отвечал на вопросы.

— При каких обстоятельствах вы заняты в плен? — Капитан Деметьев любил задавать этот вопрос.

Ответ пленного как бы во втором измерении представлял то, что уже было известно от разведчиков.

— При самых обыденных... — Немец грустно улыбаясь... — Я возвращался с передовых позиций, у моего мотоцикла заглох мотор. Я разобрал карбюратор, а собрать его мне помешали ваши солдаты.

— Видно, война в том и состоит, — усмехнулся Деметьев, — что солдаты обеих сторон мешают друг другу жить. Но согласен, что мои солдаты забрали для вас не самую неприятную помеху.

— О, да! — Немец засмеялся, но тут же улыбка слетела с его лица. — Вероятно, эта самая неприятная помеха ожидает меня здесь?

По раздраженному взгляду немца Деметьев понял, что он спрашивает серьезно.

— У нас планы не распространяют.

— О, да! Их несли!

— Все зависит от размера вашего преступления перед нашим народом, — сурово и чуть поманяв голос, сказал Деметьев.

— Но ведь самым страшным преступлением у нас считается принадлежность к партии Гит-

лера. Не так ли? А я как раз убежденный национал-социалист. С 1935 года.

— Вы говорите — убежденный? — Деметьев с хитрой улыбкой посмотрел в глаза немцу: — Убежденные выглядят не так и ведут себя иначе.

— Поминутно кричат «хайль фюрер»?

— Нет. «Титлер — каулер». Немец засмеялся, откинувшись на спинку стула. Вместе с ним смеялся и Деметьев.

— Вы не лишены остроумия, — сказал немцу. — Между прочим, вы говорите по-немецки, как истинный берлинец. Откуда это у вас?

— Я вырос в Берлине. Мой отец много лет работал в советском торгпредстве в Германии.

— Берлинский аэцент, как след осы, вытравить нельзя. — Немец помолчал, затем вытравил взглянул на Деметьева. — Приятно, капитан, вытравить войну?

— Осел! — искренне воскликнул Деметьев.

— Верю, верю, — грустно произнес немцу. — Мы ведь это тоже пережили я...

— Правда, несколько преждевременно — безжалостно заметил Деметьев.

— В глазах у немца сверкнуло, но тутчас же погас злой огонек. Пленный опустил голову, плечи его обмякли, и он тихо сказал:

— Да, сорок пятый год — это не сорок первый.

И как только он это сказал, Деметьеву словно плеснули в лицо отпек сорок первого года.

— Вы где были в сорок первом? — быстро спросил он.

Он совершенно немое, сухое и злое деметьевского голоса немцу сразу подтапнуло. Оги, вероятно, полвека мыслей советского офицера в ответи четко, по-военному:

— Брест — Минск — Смоленск — Вязьма. Здесь зимавал. — Немец помолчал и прибавил: — В эту зиму и произошло крушение победоносных илльций. Дальше была уже служба, чувство долга, — словом, рата. Частные успехи. Частные поражения. А история делалась уже помимо нас.

— Однако сейчас ваши дивизии сидят в «мешке» и не спешат сложить оружие. На что надеетесь?

— Я же сказал: это служба. Солдатская служба, когда лучше не размышлять и не спрашивать.

— Вы верили в возможность контрпаступления?

— В начале окружения, насколько мне известно, такой приказ готовился. Но теперь готовишь нечто противоположное. Говорят, нас должны эвакуировать отсюда морем и перебросить на защиту Берлина.

Деметьев понимал всю важность этого вопроса, но спросил как только мог небрежно:

— Это слух или приказ?

— Скорее всего, приказ...

— Немецкого капитана увезли в штаб армии. Как только машина отехала, Деметьев позвонил своему непосредственному начальнику полковнику Довгалеву и сообщил ему о готовящейся эвакуации окруженных войск.

— Да, такие сведения у нас уже есть, — подтвердил полковник. — Спасибо.

Ни полковник Довгалев, ни Деметьев в ту минуту и не предполагали, что уже утром им специально придется встретиться для обсуждения именно этого вопроса и что их разговор станет началом новой страницы в военной биографии Деметьева.

2

Полковник Довгалев говорил, шагая по кабинету. Дойдя до окна, он останавливался, умолкал и несколько секунд смотрел, как морские хлопья снега падают и тают на черной плите автомашин, стоящей под окнами. Потом он снова поворачивался и снова начинал говорить, кратно к противоположной стене. Уже не

первый год Дементьев работал с полковником, прекрасно знал все повадки этого сурового на вид человека и сейчас видел, что Догвалев волнуется...

Дементьеву неудобно сидеть в знакомом, глубоком кресле. Он просто не привык пользоваться такой мебелью, не знал, например, куда девать ноги, куда ставить непокорные ладони. Это его раздражало, хотя все, что он слышал, весьма радовало солдатское сердце.

Ему всегда по душе были аналитические и рисованные задания. Ведь он разведчик, а занимается этим делом без риска и наказания. У него была даже своя теория: наилучший результат разведки такт в самых трудных и опасных делах. Он мог бы рассказать немало историй, подтверждающих эту теорию. Кроме того, Дементьев почти фатально верил в свою счастливую судьбу. В самом деле, всю войну он прошел разведчиком и даже парашютист не получал. Была у него в Подмоскovie любимая девушка. Звали ее Тамарой. Познакомились они в тяжелую зиму сорок первого года. Дементьев оказался на постое в домике, где жила Тамара... всю войну получала она от Дементьева письма.

Одно из последних его писем заканчивалось так: «...Еще раз говорю тебе: не волнуйся, Гитлер не преусмотрит многого. И, в частности, он явно забыл затопить пулю для моей персоны. Живи! И буду жить!».

Слушая сейчас полковника, Дементьев прекрасно понимал всю сложность и опасность получаемого им задания и испытывал знакомое чувство радостного возбуждения.

— Вы должны ясно представить себе, — говорил полковник, — что это задание совершенно не похоже на все, что мы делали до сих пор. Не лес, не болото, а большой портювый город. И вам нужно будет действовать там не одну ночь, а, может быть, неделю и месяц. Город набит гитлеровцами.

— На этом как раз можно и сыграть, — быстро ответил Дементьев.

— Сыграть, сыграть! — поморщился полковник. — Осторожнее, Дементьев! Осторожнее! По нашим сведениям, там скопилось очень много гестаповцев, бежавших из Таллина, Риги, Каунаса, из разгромленных воинских частей. Все они ожесточены, выслужившись перед начальством. Ежедневно в городе арестовывают и расстреливают десятки людей. Мы, конечно, дадим вам несколько явочных адресов, но ни

один из них не является абсолютно надеж-

— Люди ненадежны? — спросил Дементьев.

— Нет. Люди как раз верны. Всю войну помогали нам, выполняли большую работу. Связь с ними мы держали через партизан. А теперь эта связь утеряна. Словом, мы должны было бы объявить и тот вариант, что наши явки разгромлены. Но даже если они в порядке, то вашей постоянной базой стать не могут. Рисковать этими людьми нам не разрешено. Вы сможете использовать их только как первый прыжок, для дела на три. А затем ищите себе надежную базу. На одной из явок имеется законсервированная рация, вы ее возьмете. Дальше, связь с подпольщиками — только в случае крайней необходимости. Это лучше — без всякой связи с ними.

— Какую явку вы хотите, разгромлена?

— Может, все же мне взять рацию с собой?

— Нет. Это не спичечная коробка. А ваше первое появление в городе с чемоданом более чем рискованно. Если в течение пяти дней в эфире не появится, мы сбросим вам рацию в установленном месте.

— Ясно. Каким способом я попаду в Н.?

— Мы устроим массированный вылет на город, и под шумком вы спрыгнете с самолета.

— Когда?

— В субботу ночью.

— Завтра? — Дементьев, не веря, смотрел на полковника.

— Догвалев подошел к нему вплотную. Капитан встал.

— Да, Дементьев, завтра ночью.

— Ну, что ж, завтра так завтра. Разрешите идти к оперативникам?

— Идите, Дементьев.

Капитан вышел из кабинета своей обычной быстрой и легкой походкой. Когда дверь за ним закрылась, полковник Догвалев вновь сказал:

— Он справится. Все сделает и останется жив! Обязательное! — Полковник произнес это так, точно хотел убедить в этом не только себя, но и судьбу, в которую он невозможно верил.

3

Наша бомбардировщик бомбил Н. уже более двух часов. Самолет, на котором находился Дементьев, сделал обманный маневр, приблизился к городу с южной стороны. Он летел на небольшой высоте. Прямлею к околу Дементьев видел зарево пожаров. В небе бесостановочно шарил луч прожектора, рвались зенитные снаряды.

Второй пилот вышел из кабинета и тронул Дементьева за плечо.

— Давай сюда! — Летчик поднес разведчика к зенитной дыре снятой с лететь двери. Спокойно, точно ревел шла о чем-то простом и обидном, летчик сказал:

— Гляди на лампочку. Как загорится, прыгай! — Он улыбнулся Дементьеву, прислонился рядом с ним к стенке самолета и стал смотреть на лампочку. Теперь Дементьев видел внизу толпы густую тьмоту ночи. Большие нити свечения, самолет удалялся от города...

Лампочка медленно, точно окохта, затрещала тусклым багровым наклком. Дементьев кинул летчику и шагнул в черную пропасть. В течение тех немногих секунд, пока проходило снижение на парашюте, он успел подумать о двух вещах. С досадой — о том, что в спешке у него не нашлось пяти минут, чтобы нанять письмо Тамаре: неизвестно, сколько придется ему протоптать в городе Н., а она будет думать бог знает что... И с беспомощностью — о том, как приземлится Дементьев, все-таки это был только третий его прыжок с парашютом...

Приземлился Дементьев, как и было рассчитано, на заснеженном болоте, неподалеку от ивовой дороги. Увидев по пояс в снегу, он подтянул парашют, отступил его и затоптал в снежную яму. Потом осторожно вышел на шоссе, выпрыгнул из-под ремня подобранные полье немецкой офицерской шинели и неторопливо направился к городу. Там попрережком неровно грохотали зенитки и тяжело падали фугасы бомбы.

По шоссе шагнул уже не Дементьев, а Пауль Рюкерт, капитан немецкой армии, уроженец Берлина, возраст — тридцать один год, стаж воинской службы — восемь лет. Последняя должность... На этот вопрос Пауль Рюкерт мог

дать несколько ответов. И, что самое удивительное, из разных карманов он мог извлечь столько же документов, с абсолютной достоверностью подтверждающих любой из его ответов. То немецкий начальник, который в свое время подписал подлинник такого документа, посмотрев на этот сказал бы: «Да, это моя подпись». Больше того, если бы эти документы попали в руки вражеских агентов, спецслужб по немецкой военной документации, он вряд ли обнаружил бы, что они поддельные. Дементьев мог свято верить в непогрешимость своих документов. И он верил. Но все же он продумал множество уловок, чтобы избежать чересурств предательства документов. Дело в том, что Дементьев впервые уходил на такое задание, где на каждом шагу могла возникнуть необходимость предательства каких-то бумаг. Если подобные ситуации возникали в его обычных рейдах по вражеским тылам то он мгновенно разрешался с помощью нестрельного или холодного оружия. Сейчас это исключалось, и к новому своему положению Дементьеву предстояло привыкнуть...

Он шагнул в город, когда влетел прератился. Не успев далеко уйти, он удерживая в одной зенитки продолжал распространять черное небо. Когда Дементьев миновал городскую окраину и оказался на первой улице города, стрельба внезапно оборвалась и прожектора перестали высветывать здания. Дементьев не зная, как действовать против этой новой для него опасности. То, что Дементьев попал в город во время воздушной тревоги, имело и свою неприятную сторону: егохождение по совершенно безлюдным улицам было очень заметным. Едва он подумал об этом, как из темноты каменного топиеля арок его окликнул осторожный голос:

— Господи офицер, укройтесь сюда.

Дементьев за мгновение замер, но тут же шагнул в нишу ворот. У каменной стены стоял два солдата с повязками патрูลей. Они выгнулись, и один из них робко, точно извиняясь, сказал:

— Состояние воздушной тревоги продолжается.

Дементьев засмеялся: — Я вижу, что у вас тут все как по нотам. А у нас... там, — он повел плечом, и солдаты поняли, что офицер говорит о фронте, — такого порядка, как у вас, нет. И штыряют бомбы без предупреждения.

— Трудно сейчас... там? — помолчав, спросил солдат.

— Все в полном порядке! — шутливо сказал Дементьев. — Скажи-ка лучше, как пройти на Шестирванную площадь. Есть тут такая?

— Есть, есть, — с готовностью ответил патрूल. — Это недалеко, вот по этой улице до костела и направо. Нам, наверное, нужен объект № 7.

— Что мне нужно, я знаю. А вы тоже не нужно болтать в подворотных о секретных объектах, — сердито выговорил Дементьев.

Не глядя на солдат, Дементьев вышел из ворот.

Итак, первая встреча с немцами прошла без шума в подворотных. У костела Дементьев пошел направо и пошел темной узенькой улицей, которая вела на площадь. Солдат в воротах мог и не стараться, Дементьев без него знал, что на Шестирванной площади в здании банка расположено главное штабное окруженное войско именуемый объектом № 7. В здании площади и нечто другое весьма заинтересовавшие Дементьева: в маленьком двухэтажном домике, как раз напротив штаба, находилась та явочная квартира, где хранилась законсервированная рация Дементьева.

Полковнику Догвалеву очень не нравилось то, что Дементьеву придется сразу идти на явку, расположенную в такой опасной близости к главному штабу, но полковник все же согласился с Дементьевым, что лучше в самом начале операции прояснить ситуацию.

Дементьев шел по улице уверенно, как мог идти фронтовой офицер, для которого город со всеми его стражами и строгостями представлялся лишь небольшой частью фронта, и притом наименее беспокойной. В своей цепкой памяти разведчик он перебрал данные явки. Двухэтажный дом с лошадиной головой и подковой на фронте, квартира семь. Хозяин квартиры — Павел Арвидович. Его дочь зовут



...и он тихо сказал: «Да, сорок пятый год — это не сорок первый».

Лидией. Кроме них в квартире никого нет. Пароль: «Скажите, не у вас живет военный врач Нельке?». Ответ: «Нет, у меня живет майор Фокс».

Дементьев вышел на площадь. Она действительно оказалась шестигранной. Одной из ее граней был большой мрачный дом. Особого труда не составляло догадаться, что это и есть объект № 3. Там, у подъезда, чернели автомашины и мячи часов. А вот и дом с лошадиной головой на фронтоне. Он был вторым от угла.

Дементьев уже сделал несколько шагов туда, но вдруг круто повернул и направился через площадь к зданию штаба. Мысль войти в штаб родилась внезапно, как это нередко бывало с Дементьевым, когда он во время операции решал изменить первоначальный план действий. До сих пор эти смелые экстримы приносили ему успех. А что произойдет сейчас?

Часовой молча загорался Дементьеву дорогу. — Я офицер штаба восьмой дивизии, — строго сказал Дементьев. — Мне срочно нужно к полковнику Рейлиху.

Часовой молчал, но дорогу не открывал. Он, видимо, думал, как поступить. — Вызовите начальника караула, — подказал ему Дементьев.

— Один момент! — часовой метнулся к двери и вынул ключик. Прошло минуто пять, прежде чем появилась заспанный фельдфебель.

— Что тут случилось?

— Офицер восьмой дивизии к полковнику Рейлиху — четко доложил часовой. Фельдфебель сошел с крыльца, приблизился к Дементьеву и, точно обходящая его, взглядела в лицо.

— Откуда это вы спалились? — наשמилво спросил он.

— Я попросил бы разговаривать со мной, как положено разговаривать фельдфебелю с капитаном армии рейха! — повис голос, сказал Дементьев.

Фельдфебель промолчал и направился к двери.

— Идемте... Они вошли в ярко освещенный вестибюль. После ночной темени свет почти ослепил ударил в глаза Дементьеву, и он заслонился от лампы рукой. Фельдфебель прошел за стол, позади которого стояла развороченная койка. Сестра фельдфебель решила только после того, когда Дементьев устало опустился в кресло перед столом.

— Сейчас пятый час. Вероятно, полковник Рейлах вас не ожидает? — не без ехидства спросил фельдфебель.

— Война... война, — рассеянно вымолвил Дементьев. — Но я не спал вовсе. У вас есть отель для приезжающих с фронта офицеров?

— Есть, — быстро ответил фельдфебель.

— Дайте мне туда направление или позвоните.

— Это можно... Фельдфебель взял телефонную трубку и набрал номер. — Говорит дежурный командант объекта № 3. У вас есть место? Очень хорошо. Сейчас к вам придет... Фельдфебель посмотрел на Дементьева.

— Капитан Рюкерт... Пауль Рюкерт, — не поднимая головы, сонным голосом подказал Дементьев.

— Здравствуйте, капитан Пауль Рюкерт... Спасибо — Фельдфебель положил трубку. — Вы город знаете?

— Я здесь всего второй раз. — Ответ минут десять ходил отсюда. — Идет, у вас есть машина?

— Нет. Она дежурит только до трех ночи. — До отеля и за час не дойдешь. На каждом углу — патрули. Объяснись с ними.

Фельдфебель вынул листок из истопленного камина, торжественно что-то на нем написал и протянул Дементьеву. Дементьев хотел взять листок, но фельдфебель отдернул руку.

— Прочитайте и запомните.

— Спасибо — Дементьев тяжело поднялся и, пожелав фельдфебелю спокойной ночи, вышел.

4

Все в порядке. Теперь, даже если не поблагодолжно с явкой, есть два проекта остатков ночи. — Звонок в явочной квартире, видимо, не работает. Дементьев уже несколько раз нажимал



Он вошел в город, когда налет прекратился.

кнопку, но в ответ — глухая тишина спящего дома. Тогда он постучал решительно и громко. За дверью послышались шаги, и осторожный старческий голос спросил:

— Кто там? — Откройте, — властно приказал Дементьев. Дверь приоткрылась, но кто был там, в темноте за дверью, Дементьев разглядеть не мог. — Скажите: не у вас живет военный врач Нельке?

— Нет. У меня живет Гримм.

Дементьев замер. Начало светящего пароля было сказано правильно, а конец не сходился. В приоткрытую дверь высунулась седая голова. Лица Дементьев разглядеть не успел, но услышал тихий шепот:

— Завтра в зале почтама в четырнадцать часов.

Дверь захлопнулась. Дементьев в раздумье постоял на лестничной площадке. Да, нужно идти в отель...

У подъезда отеля «Бристоль» тесно жались автомашины. Смешно выглядела втиснувшаяся в толпу автомашин танкетка. Из нее разносились по площади богатый крик водителя.

Он спал на переднем сиденье, высунув через борт длинные ноги в стоптанных ботинках.

Через вертящиеся двери Дементьев вошел в вестибюль. За стойкой портье никого не было. — Кто-нибудь живой тут есть?

Из-за гардины вышел всклокоченный молодой человек. Скользнул по Дементьеву равнодушным взглядом, он развернул громадную кинуту.

— Капитан Рюкерт? — Рюкерт, — сердито поправил Дементьев. — Простите. Триста пятая комната. Третий этаж, лифт, извините, не работает. Пожалуйста, потише, там уже спит майор Зандель.

Дементьев медленно поднимался по лестнице, обдумывая, чем ему может грозить присутствие в номере майора Занделя.

Майор спал, укрывшись с головой. Не зажигая света, Дементьев раздвинул. Китель повис на стул так, чтобы была видна лепотка железного креста в петлице. Вынимательно осмотрев комнату, Дементьев лег в постель и вскоре заснул. Он попросту приказал себе спать.

Сосед Дементьева проснулся в восьмом часу утра. Дементьев повернулся лицом к стене и наткнулся одеялом на голову. Майор Зандель прилепал босыми ногами в ванну и долго плескался там под душем.

КНИГА О ЧУДЕСНОМ ПУТЕШЕСТВИИ

Потом вернулся в комнату и, покрывав, стал делать гимнастику. Одеваясь, он боролся что-то себе под нос. И вдруг громко сказал:

— Коллега, так можно проспать всю войну. Дементьев медленно повернулся на спину, лениво стащил с головы одеяло и удивленно осмотрелся, как всегда осматриваются спящие люди, прошедшие ночь в новом для них месте.

Вагянуца на майора, он улыбнулся:

— Доброе утро.

Майор засмеялся: — Утро действительно как будто доброе, а вот ночь была свирепая. Наш отряд не раз подпрыгивал. А как вы пришли, я уже не слышал.

— Я пришел под самое утро.— Дементьев сел на кровати и стал не спеша одеваться, рассчитывая, что майор уйдет. Но майор ходить не собирался. Он сел в кресло, вынул одну ногу в роскошных лаковых сапогах. «Штаб-ночь», — отгмыль про себя Дементьев.

Умывшись, Дементьев надел китель и подошел к майору.

— Давайте знакомиться, капитан Рюкерт.

Майор встал:

— Майор Зандель.

Они пожали друг другу руки...

— Рюкерт, Рюкерт,—вспомнил майор, не выпуская руку Дементьева.—Откуда-то я эту фамилию знаю.

— Вы подзабыли мое самолюбие,—рассмеемся Дементьев.—Я начинаю нахально думать о своей несуществующей славе и популярности.

Майор отпустил руку Дементьева и его лицо вдруг приняло печальное и вместе с тем строгое выражение. Он помолчал и, посмотрев на часы, сказал:

— Идемте, капитан, завтракать. Они спустились в ресторан и заняли столик возле огромного иллюминационного окна. Официант принял заказ и ушел на кухню.

— Вот вы, капитан, сказали о несуществующей славе.—Майор вздохнул, посмотрел в просвет занавесок на еще белонодую площадку и продолжил:— А у всех нас была слава подлинная, большая. Была она и у вас. Ведь железный крест получили самые храбрые...

Майор замолчал. Дементьев напряженно обдумывал, какую позицию он должен занять в этом разговоре. Направление мысли майора оно предугадывало.

— Известный вам, капитан, всемирный генерал предупреждал, что длительность войны неизбежно вступит в противоречие со всеми ее расчетами. Сейчас мы эту длительность прежде всего и чувствуем. Не так ли, капитан?

Дементьев уже принял решение, как себя вести, но ему нужно было подробней и точнее узнать настроение майора. На его вопрос Дементьев не ответил, и за столом наступило недолгое молчание.

— Я не люблю поспешную откровенность,—тихо произнес Дементьев. Заметил, как при его словах в глазах майора метнулись тревога, он добавил:— Я только что пережил трагедию восьмой дивизии.

— Вы из восьмой? Как же вы уцелели? Ведь дивизия, я слышал, уничтожена.

— Это не совсем верно,—грустно сказал Дементьев.—Нас бросили в контрнаступление. Операция была спланирована плохо. Солдаты дрались, как львы, и гибли зря. После побуждения по лесам и болотам я вывел своих партизнов и, как видите, выжил сам. Прибыл сюда специально, чтобы рассказать командованию, что произошло с нашей дивизией. И надо еще просить назначения. Кстати, вы не в курсе дела: возможно ли сейчас получить назначение? Я слышал, будто так, как я, освободивших офицеров здесь больше нет.

— Я сам из таких,—задумчиво сказал майор.— Но я назначение уже получаю. Дело это нелегкое. У нас какие-нибудь связи в штабе есть?

— Никаких.

— Я попробую вам помочь,—помолчал, сказал майор и, улыбаясь, добавил:— Вы не удивляйтесь, что я сразу с вами разговариваю. Я люблю людей с открытыми лицами и слепо им верю. Может быть, зря?

(Продолжение следует).

Пора юности замечательна открытиями. Юность не может устоять на месте, не может прожить труд ее людей даже в мечтах. Не случайно самыми любимыми книгами молодых людей, вступающих в жизнь, являются путешествия.



В книге Евгения Андреевича Пермяка «Кем быть» не описываются сказочные страны и фантастические события. Место действия здесь — наша необитаемая Родина, ее города и села, фабрики и заводы; герон провозведения — простые труженники, люди самых разнообразных профессий. И все-таки мы читаем ее, как чудесное путешествие.

Происходит это, с одной

стороны, потому, видимо, что в книге отразилась сказочная жизнь нашей страны, воплощенная труд ее людей. А с другой стороны (и это не менее важно), автору удалось уловить очень хороший, дружеский тон повествования, при котором его путешествие до многогранным профессиям доходит до сердца, увлекает. Искусство Пермяка раскрыть познано, оживить кусок руды или угля хочется сравнить с искусством академика Ферсмана заставить расти, сиять и говорить минерал.

«Кем быть и что делать в жизни, в какой отрасли трудиться» — два, а один вопрос.

Кем быть — нельзя решить, не зная, где, как и что делается,— говорит автор. Вот почему он, избрав очень удобную и емкую форму путешествия, рассказывает нашему молодому читателю о многом, стлавляя его с разными людьми, ведет доброго своей богатой наглядными жизни. О профессии говорится в книге не как о чем-то застывшем, раз навсегда установленном.

«Профессия — такая лестница, у которой есть первая, вторая, третья ступень,— лесная,— двадцатая, но нет последней ступени. Это лестница в бесконечное

и беспредельное совершенствование мастерства».

Эта мысль проходит красной нитью через все повествование. В поэтически описанной встрече с Павлом Петровичем Бажовым она находит свое «живинкой в деле». В кузнице Николае Дулонове она характеризуется тем, что он, «что бы ни делал, всегда доволен своей работой». Для мастера Семея Семеновича Чурикова каждая скажливка — «слово и одна ночь». А ставлен Иван Васильевич так говорит о своей профессии: «Грешно работать, не перескажливая. А красоту любимой работы и в песне не споешь».

Евгений Пермяк — писатель оригинальный. В последние годы его творчества он все чаще обращается к сказке — жанру, характеризующему творческую зрелость. В книжке «Кем быть» короткие сказочные новеллы вкраплены в ткань повествования. Они оживляют рассказ, углубляют его, а порой даже делают более наглядными некоторые вопросы технологии.

Книга «Кем быть» читается с интересом. Молодой читатель, выбравший для себя путь в жизни, найдет здесь много нового, познавательного.

К. ВАСИЛЬЕВ

«НА БЕРЕГУ ДНЕПРА»

искренности. П. Гавруто встал в годы войны испытало то, о чем пишет, и поэтому оно далеко от принижения сил противника.



В повести много действующих лиц. Главные из них выписаны ярко и убедительно. Читатель несомненно полюбит редовых Алексея Сидорова, Дмитрия Кухтину, Будрина, а также майора Черноусова, партизана Каурова, иштурмана Листопадова и многих других. Особенно удались образы Сидорова и Кухтины. Эти герои прошли большую школу войны, много выстрадали, но страдания не согнули

их. Сидоров и Кухтин — образцы воинской выдержки, смелости и отваги. Они выросли в умелых бойцов, окрепли нравственно и духовно.

Хорошо написаны мимолетные сцены, раскрывающие целомудренную любовь партизана Настки к завязавшему командиру отделения Дмитрию Кухтине, отношения рядового Сидорова с иштурманом Листопадовым.

Мы видим, что в тазу противника партизаны не были одиноки. Их поддерживали партизаны и жители оккупированных сел и городов. Маленький папушок прыгает пулемет в стог сена, а затем передает его десантникам. Дочь председателя колхоза, невандя своего отца, подает партизанам изолировать его.

П. Гавруто создал ряд жизненно правдивых образов, которые имеют воспитательное значение для советской молодежи.

Я думаю, что издательство «Молодая гвардия» поступит правильно, продолжив выпуск книг о героических подвигах советских воинов в годы Великой Отечественной войны.

П. ВЕРШИГОРА

ВСАДНИКИ БЕРУТ

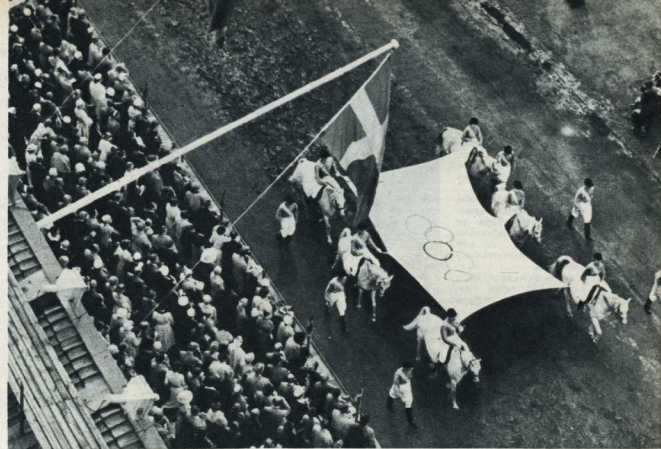
ПРЕПЯТСТВИЯ

НА ОЛИМПИАДЕ
КОННИКОВ

Спортсмены многих стран мира готовятся сейчас к крупнейшим международным соревнованиям нынешнего сезона — XVII Олимпийским играм, которые состоятся в Мельбурне (Австралия). И только для конников олимпиада уже закончилась. Дело в том, что, по австралийским законам, все животные, ввозимые в страну, должны пройти insecticidный карантин. Поэтому для проведения олимпийских соревнований конников пришлось искать другое место. Выбор пал на столицу Швеции — Стокгольм.

Любители конного спорта с нетерпением ждали начала соревнований. Большой интерес вызывало участие в них советских спортсменов, которым шведские газеты уделяли особое внимание. И вот наступило десятое июня — день открытия олимпиады. На Королевском стадионе собралось несколько тысяч зрителей. Первыми выступили троеборцы. Они соревновались в маневой езде, полевых испытаниях и преодолении препятствий. Особенно интересно проходили полевые испытания. Как известно, дистанция их состоит из пяти этапов. Наиболее сложный — кроссовый, где расставлены 33 препятствия, причем в самых трудных местах — на поворотах, водичках, срусках.

Долгое время ни одному из троеборцев не удавалось пройти дистанцию чисто. Много неприятностей доставило конникам препятствие под номером «22» — ограда в канаве. Не всякая попытка преодолеть ее оканчивалась удачно как для всадника, так и



Группа всадников с олимпийским флагом на стокольмском стадионе.

для лошади. Шведское общество «Друзей животных» подало в суд прошение с просьбой убрать это препятствие, прекратить «истязание лошадей». Однако соревнования продолжались. И больше всего зрителей собиралось именно в те дни, когда проходили состязания по преодолению препятствий.

Личное первое место в конном троеборье завоевал швед Петрус Кастеман. В общем командном зачете победили англичане. Команда конников СССР вышла на седьмое место.

Розгрыш Большого олимпийского приза по выездке ввиду большого количества участников проводился два дня подряд. Этот вид конных соревнований — очень красивый и увлекательное зрелище. Здесь восхищает все: и выезд участника на манеж, и четкая остановка лошади против стола судей, и, конечно, выполнение самой программы, которая широка



Легко и красиво спортсмен преодолевает ров с водой.

и многообразна. Пирруты сменяются пассажижем, затем следуют пиаффе, мекка ног, аллюров.

Лучшую технику управления лошадью показал шведский наездник Хенри Сен-Сир, завоевавший звание олимпийского чемпиона. Спортсмены Швеции победили здесь и в командном зачете. Конники Советского Союза заняли четвертое место.

Упорная борьба развернулась за «Приз наций», который оспаривался в последний день олимпиады. На стадионе были расставлены четырнадцать препятствий. Для многих спортсменов они оказались непреодолимыми.

Интересный случай произошел с немцуляком Виктором Могила. Преодолев семь препятствий, он затем сполз с седла набок. Все с волнением ждали, сумеет ли спортсмен удержаться. Могила удержался и снова выпрямился. Зрители громко аплодировали ему. Но что это? Прозвучал про-

зительный звонок, и голос диктора безстрастно провознес: «Исключен». Многие недоумевали. А оказывается, пока Могила старался удержаться в седле, его лошадь иррагула не через то препятствие.

Великолепно прошел дистанцию немец Ганс Винклер. В итоге двух заездов он получил всего четыре штрафных очка и выиграл. Командное первое место заняли немецкие спортсмены.

И вот соревнования закончились. Спортсмены покидали Стокгольм. Одни уезжали довольные, другие разочарованные. В числе проигравших оказались и конники Советского Союза. Правда, шведская печать положительно отзывалась об их выступлениях, однако несомненно, что наши спортсмены могли выступить значительно успешнее. Теперь, конечно, поздно говорить об этом — нужно готовиться к будущим соревнованиям.

В. БАКИН



Но бывало и так...

ПОЗДРАВЛЯЮ СТУДЕНЧЕСТВО С НАЧАЛОМ
УЧЕБНОГО ГОДА И ПРЕДОСТАВЛЯЮ СЕГО-
ДНЯ СВОЮ СТРАНИЦУ КОРРЕСПОНДЕНТАМ
ВУЗОВСКИХ СТЕПАЗЕТ.

ДЯТЕЛ



Роман



«Бьем и не стесняемся»
(Московский инженерно-строительный институт).

Коварная птичка сразу встре-
пенулась на полке:
— Дернем по маленькой!
Директор посмотрел на по-
путлившихся обитателей — сто
пятьдесят шестой комнаты:
— А в наком у нас положи-
ние задание?
— Дать сорвать задание!
Дать сорвать! — олитъ сме-
шался попугай.
Директор вышел из комна-
ты.
Лешка и его товарищи с не-
навидью смотрели на зло-
счастную птичку.
...На другое утро ребятами,
играя во дворе общест-
ва, подобрали на снегу за-
стывшего попугая со сверну-
той головой.

Д. РОСТОВСКИЙ

Заметим, кстати...

Наш профорг работает лыж-
ком — клеит мажи.
Будильничать очень труд-
но, но он не бегит трудностей.
В институте учатся не для
того, чтобы все запомнить, а
для того, чтобы знать, где что
найти; некоторые так хорошо
усваивают последние, что сра-
зу по окончании института
отсылают себе теплое ме-
стечко.
У него студента знания на
бумаге укладываются лучше,
чем в голове.



— Мама, я хочу, чтобы ты
развелась с папой.
— Почему?
— Тогда у меня будет одно-
кая мать, и меня оставят в Мо-
ске.

Рисунок Е. Горюхова по теме
газеты «Самосвал» (Москов-
ский автомобильно-дорож-
ный институт).

ПОПУГАЙ

Старший брат уезжал из
Москвы. Перед отъездом он
предложил Лешке взять себе
привезенного из заграничной
командировки попугая.
— Ты его, кстати, научишь
по-русски говорить, а то он
все время по-французски из-
ясняется.
Парень сначала колебался:
«Чем я его, черта, кормить бу-
ду? Но потом решил: «Лад-
но, возьму! Пусть живет у ме-
ня!»
Так в сто пятьдесят шестой
комнате общестиина поселился
попугай.

Через месяц директор инсти-
тута совершил обход общест-
ина.
— Вот, Николай Михайлович,
на эту комнату все соседи на-
люются. Никогда у них тихо не
бывает, — сказал комедант.

— Да, порядочек здесь не-
важный, — заметил директор.
А это что там у вас, попу-
гай? А, кстати, чем вы его
кормите? Червями?
Попугай радостно ухватился
за последнее слово и завер-
шил:
— Черви козырки! Черви
козырки! Бей козырек!
— Интересно, так вы, оказы-
вается, а карты играете?
Козыря комыты смущенно
молчали.
— Так или на деньги?
Лешка раскрыл было рот,
чтобы отвергнуть это обвине-
ние, но попугай перебил его:
— Деньги на кон! Деньги на
кон!
В комнате наступила тлгост-
ная тишина. Чтобы прорвать ее,
один из студентов промямил:
— Комната вот у нас малень-
кая...

НА БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНЕ



— А в буфете перемены бывают...

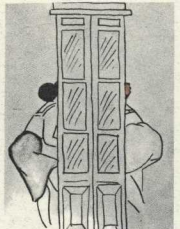
«У открытого окна» (Москов-
ский институт инженеров
железнодорожного транспор-
та).



— Ну, как?
— Вышла!
— Меня тоже.



— Слушай, иде! Пошли
еще раз!
— Он не узнает...



— Ерунда! Иди сюда.
— Ну, все?
— Все!



...и обе получили зачет.
«За кадры» (Московский
институт цветных метал-
лов и золота).

Цена номера
2 руб.

